

Эдуард Экк

От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе. 1868–1918

От издателя

«Памятники исторической литературы» — новая серия электронных книг Мультимедийного Издательства Стрельбицкого.

В эту серию вошли произведения самых различных жанров: исторические романы и повести, научные труды по истории, научно-популярные очерки и эссе, летописи, биографии, мемуары, и даже сочинения русских царей.

Объединяет их то, что практически каждая книга стала вехой, событием или неотъемлемой частью самой истории.

Это серия для тех, кто склонен не переписывать историю, а осмысливать ее, пользуясь первоисточниками без купюр и трактовок.

Пробудить живой интерес к истории, научить соотносить события прошлого и настоящего, открыть забытые имена, расширить исторический

кругозор у читателей — вот миссия, которую несет читателям книжная серия «Памятники исторической литературы».

Читатели «Памятников исторической литературы» смогут прочесть произведения таких выдающихся российских и зарубежных историков и литераторов, как К. Биркин, К. Валишевский, Н. Гейнце, Н. Карамзин, Карл фон Клаузевиц, В. Ключевский, Д. Мережковский, Г. Сенкевич, С. Соловьев, Ф. Шиллер и др.

Книги этой серии будут полезны и интересны не только историкам, но и тем, кто любит читать исторические произведения, желает заполнить пробелы в знаниях или только собирается углубиться в изучение истории.

Глава I

10 октября 1868 года, 17 лет, я поступил юнкером в лейб-гвардии Семеновский полк¹ и был зачислен в роту Его Величества.² Требования нам

---

¹ Лейб-гвардии Семеновский полк — второй полк Российской императорской гвардии. Входил в состав 1-й гвардейской пехотной дивизии.

² Рота Его Величества — рота, шефом которой был сам император.

предъявлялись большие. Все отделы службы должны были быть усвоены в совершенстве. Рота была великолепно подобрана, рост юнкеров так велик, что я был почти на два вершка ниже левофлангового (правда, я был ниже ростом, чем теперь, но все же около восьми вершков). В строю еще находились люди, призванные под знамена на пятнадцать лет, и именно они лучше всего относились к нам, что особенно ярко сказывалось в дни, когда нам, юнкерам, приходилось весь день проводить в роте в ожидании тревоги. В такие дни мы обедали в роте и подолгу с ними беседовали, иногда читали им вслух взамен занятий грамотой.

Моим дядькой был унтер-офицер Брун, латыш десяти с лишком вершков росту, строгий, молчаливый, прекрасный гимнаст. Учителями были Фогель и Мордвинкин, оба разжалованные за пьянство, но лучшие фронтовики в роте. В то время в царские дни³ и в дни двенадцатых праздников всем людям, помимо улучшенной пищи, полагалось от казны по чарке водки, и нам, юнкерам было особенно приятно уступать учителям наши чарки.

---

³ Царские дни — дни празднования торжественных событий из жизни царствующего дома — восшествия на престол, коронации, дней рождения, именин.

Зная, что наша доля принадлежит им, Фогель и Мордвинкин подходили к ведру, имея в рукаве шинели по большому стакану, черпали им водку и с наслаждением пили ее маленькими глотками.

В строевой выправке, в маршировке, в фехтовании на ружьях трудно было с ними равняться, зато в гимнастике я мог тягаться с любым из них.

В мае 1868 года я сдал успешно офицерский экзамен, прошел съемки и прибыл в лагерь.

В лагере юнкера проходили полный курс строевого обучения, по очереди с прочими унтер-офицерами дежурили по роте, но в караул не заступали. Обедали в офицерской столовой, но после офицеров. Ужинали за отдельным столом, так как время ужина продолжалось от 8 до 10 часов вечера.

Однажды, будучи дежурным по роте, я уже после зори зашел поужинать и сел за наш юнкерский стол. Не успел я поесть, как подошел ко мне унтер-офицер Штамм и передал, что господа офицеры просят меня к своему столу.

Я тотчас же подошел к ним и представился. Все заговорили:

— Пожалуйте, Экк, садитесь, мы давно хотим с вами поближе познакомиться.

Тотчас же появились бутылки «Белой головки», которую пили во всем Красносельском

лагере, причем не бокалами, а обыкновенными большими стаканами.

Напрасно я их уверял, что никогда еще не пил вина, они только посмеивались и говорили, что это ничего, у нас привыкнете. Тут же пошли брудершафты. Я выдержал все семь стаканов, но, выпив последний, категорически заявил:

— Теперь я должен уйти, иначе мне будет стыдно перед Ксенофонтом Максимовичем.

Обаяние этого старого фельдфебеля было так велико, что никто не возражал, и я, простившись, вернулся в роту, сел на дерновую скамеечку и сладко задремал. Наутро чувствовал себя совершенно свежим и, как только сменился с дежурства, отправился в столовую поесть. Первый опыт оказался очень удачным и, увы, когда появлялось вино, меня уже не приходилось упрашивать.

18 июля я опять был дежурным по роте.

Часов около шести вечера к передней линейке лагеря подъехал начальник дивизии генерал-адъютант Дрентельн.⁴ Он приказал

---

⁴ Дрентельн Александр Романович (1820–1881) — русский военачальник и государственный деятель. В 1865 г. генерал-лейтенант, в Свите Е. И. В., командир 1-й гвардейской пехотной дивизии, генерал-адъютант (1867). С 1872 г. командующий войсками Киевского военного округа. В

приготовить роту и собрать юнкеров Семеновского и Преображенского⁵ полков. Таковых оказалось восемь человек.

Поставив семь юнкеров в строй на различные должности взводных и отделенных командиров, генерал-адъютант Дрентельн меня не позвал, я остался стоять на линейке.

Себе я объяснил это тем, что был дежурным по роте, но в то же время заметил крайнее смущение и как бы огорчение Ксенофонта Максимыча.

Произведя учение, генерал-адъютант Дрентельн пожурил юнкеров за недостаточно твердое знание уставов и уехал.

1877 г. начальник военных сообщений действующей армии, затем командующий войсками действующей армии в тылу. С 1878 г. генерал от инфантерии, шеф Отдельного корпуса жандармов и главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. В том же году — член Госсювета и Особого присутствия по воинской повинности. С 1879 г. член Особого совещания для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи. С 1881 г. киевский, подольский и волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа.

⁵ Лейб-гвардии Преображенский полк — старейший полк русской гвардии. Входил в состав 1-й гвардейской пехотной дивизии.

Ксенофонт Максимыч сейчас же все доложил ротному командиру, капитану Шмиту, который вызвал меня и просил не огорчаться, что это, вероятно, простая случайность, которая не будет иметь никаких последствий.

Тут-то я понял, что случилось что-то для меня нехорошее, и настолько огорчился, что ушел и заперся в палатке, отказавшись от ужина.

Уже после зори, когда люди улеглись спать, за мной прибежал вестовой ротного командира и объявил:

— Вас сейчас требуют.

Явившись к капитану Шмиту, я застал его веселым, на столе стояла бутылка шампанского.

— Поздравляю, читайте, — и подал мне приказ по дивизии о производстве меня в портупей-юнкеры. — А теперь садитесь, выпьем за ваше здоровье.

Звание портупей-юнкера давало право носить саблю с офицерским темляком и допускало к исполнению офицерских обязанностей.

Портупей-юнкером мне предстояло пробыть не менее четырех месяцев, так как, имея ценз лишь среднего образования, я мог быть произведен в офицеры только по отбытии года в звании нижнего чина. Но уже на следующий же день я был введен в офицерскую среду уже как полноправный ее член и, принятый как родной, быстро в ней освоился. А

чем ближе сходилась, тем яснее осознавал ее высокие достоинства: сплоченность офицерского состава, близость к нам старших офицеров, их отеческие, товарищеские отношения к нам при высокой служебной требовательности. Все это навсегда оставило в моей памяти неизгладимый след, послужило руководящей нитью во всей моей строевой службе, навсегда связало меня с войсками и сделало легким главнейшее искусство военной службы — командование полком.

С глубокой благодарностью вспоминаю имена первого командира полка князя Святополк-Мирского, командира 1-го батальона флигель-адъютанта полковника Эллиса, ротного командира капитана Шмита и общего любимца полка, полковника Дубельта, которого солдаты прозвали «внутренним солдатом».

Павел Петрович Дубельт был старшим офицером в полку, еще участником Венгерской кампании 1848 года; большой барин во всем, со значимым авторитетом в вопросах внутренней жизни офицеров.

На учениях он часто смешивал старый и новый уставы, но это никогда не вызывало замешательства в строю. Так, например, в период батальонных учений полковник Дубельт, поздоровавшись с людьми, выезжал вперед и командовал: «Знаменные ряды вперед на линию, по

знаменным рядам в колонну из середины стройся». И хотя в новом уставе знаменных рядов не было, роты выходили вперед и строились в колонну в образцовом порядке.

Однажды, сидя у него за чаем, я решился спросить:

— Почему вы, Павел Петрович, всегда командуете: знаменные ряды, когда знаменных рядов в уставе уже давно нет?

Павел Петрович рассмеялся и ответил:

— Ах, Экк, да вы еще не родились, когда я так командовал!

Вскоре после моего производства в офицеры, П. П. Дубельт был назначен командиром 100-го пехотного Островского полка^б и мы с ним вновь встретились лишь в 1901 году в г. Бендеры, где он, оставив службу по предельному возрасту, мирно доживал свой век. Ему уже было далеко за 70, но он оставался все тем же Павлом Петровичем, и встретились мы с ним так, будто никогда не расставались.

С благоговением вспоминаю своего

---

^б 100-й пехотный Островский полк — сформирован в 1806 г. как 24-й егерский полк. С 1864 г. — 100-й пехотный Островский полк. В 1914 г. полк входил в 25-ю пехотную дивизию 3-го армейского корпуса. Дислокация — Витебск.

фельдфебеля Ксенофонта Максимыча Воронкова, произведенного в фельдфебели в 1648 году и много лет состоявшего фельдфебелем роты Его Величества.

Воронков состоял в звании кандидата, то есть он выдержал офицерский экзамен, но отказался от производства в офицеры. Носил саблю с офицерским темляком, получал офицерское жалование 312 рублей в год и, как фельдфебель роты Его Величества, по 50 копеек в день Шефских денег (182 рубля 50 копеек в год). Ему была присуждена пенсия 75 рублей в год, завещанная великим князем Михаилом Павловичем ⁷ для выдачи достойнейшему из фельдфебелей или вахмистров войск гвардии.

В начале семидесятых годов он начал болеть грудной жабой. Узнав об этом, один из старых командиров, барон Притвиц, прислал письмо командиру полка, в котором просил передать Воронкову, что дарит ему усадьбу с полной обстановкой и инвентарем и там все готово к

---

⁷ Михаил Павлович (1798–1849) — четвертый сын императора Павла I. С 1825 г. генерал-инспектор по инженерной части. С 1831 г. главный начальник всех сухопутных кадетских и Пажеского корпусов. В Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. командовал гвардией.

немедленному переезду на жительство.

Когда командир полка объявил об этом Воронкову, тот просил передать барону Притвицу: благодарю, мол, барона от всей души и по гроб жизни буду за него Бога молить, но переехать в усадьбу не могу, так как, если перестану видеть государя, я все равно умру. Так и остался в полку.

Даже когда недуг настолько усилился, что Воронков всю неделю лежал, в воскресенье он вставал, одевался и шел к часу дня к Зимнему дворцу на собственный Его Величества подъезд. Когда государь, выйдя на подъезд, здоровался с ним, Воронков, ответив: «Здравия желаю, Ваше Императорское Величество», возвращался в казарму и приваливался до следующего воскресенья. Так и скончался в полку. Тело его проводили в последний путь все офицеры с командиром полка во главе.

Другим ветераном в полку был знаменщик 2-го батальона Родионыч, срока службы 1828 года, кавалер Знака отличия Военного ордена I V, III и II степеней.

При возвращении с больших маневров в 1871 году при подъеме на гору от Красного Села к лагерю, старик, притомившись, несколько отстал. Командир полка, построив полк для отнoса знамен, скомандовал «оправиться» и только когда Родионыч вернулся на свое место, раздалась

команда: «Полк смирно, под знамена, слушай, на-караул».

Вечером, отобедав, мы по обыкновению собрались на дерновом валике и, как тогда всегда бывало, попивая вино, вели оживленные разговоры, разбирали разные эпизоды маневра и все были в отличном настроении, к командиру 7-й роты подошел денщик и доложил, что Родионыч очень желает его видеть.

Позвав Родионыча, мы поднесли ему стакан вина и выпили за его здоровье. Старик поблагодарил, но даже не улыбнулся и, обращаясь к своему ротному командиру, проговорил:

— Вы думаете, Ваше высокоблагородие, я не понял, что командир полка скомандовал оправиться только для того, чтобы спасти меня, старого дурака, от сраму, что не смог со знаменем вовремя стать на свое место. Второй раз этого не будет, и я прошу вашего ходатайства о зачислении меня в роту дворцовых гренадер.

И как мы ни упрашивали, старик остался при своем.

Ходатайство Родионыча было уважено, и его зачислили в роту дворцовых гренадер.⁸

---

⁸ Рота дворцовых гренадер — особая почетная часть русской гвардии. Сформирована в 1827 г. из гвардейских солдат-ветеранов, отличившихся и награжденных в эпоху

Прошло с полгода. На Пасху пришел Родионыч похристосоваться со своим ротным командиром и опять взмолился:

— Явите Божескую милость, помогите мне вернуться в полк, сил моих нет. Я не привык быть в богадельне, а там, помилуйте, назначают тебя дежурным к знаменам и тут же на ночь стелют постель, а намедни гренадер, стоявший на часах у Александровской колонны, разговаривал с прохожим, а ему за это лишь только выговорил старый прапорщик. Очень прошу, помогите вернуться в полк.

И это ходатайство Родионыча было уважено. Он был вновь зачислен в полк, но выходил в строй со знаменем только в день полкового праздника, на водосвятие 6 января и в дни высочайших парадов.⁹ Тоже умер в полку.

Третьим ветераном при полку был наш

Наполеоновских войн. Все чины роты назначались в нее лично императором. За свои расшитые мундиры получила неофициальное название «Золотая рота». В боевых действиях никогда не участвовала. Расформирована в 1921 г.

⁹ Высочайший парад — парад, проводившийся в присутствии высочайших особ — членов императорской или королевской семьи, а также равных им гостей из иностранных владетельных домов.

полковой разносчик Марка, состоявший при полку с 1828 года, помнивший, как в том же году барон Бистром поступил юнкером в полк. (Барон Бистром прослужил в полку непрерывно, с производством в офицеры, до назначения генерал-адъютантом и командовал полком.)

С первого дня вступления полка в лагерь в офицерской столовой в обеденный час появлялся Марка со своим лотком, на котором были ягоды, фрукты, пастила, конфеты и другие сласти.

Когда же полк выходил на учение на военное поле или выступал на маневры, Марка с лотком на голове шел неотлучно при полку и тогда у него преимущественно была провизия: пирожки, холодное мясо, телятина, язык, хлеб, масло, сыр и славившаяся собственного его изготовления водка «листовка», настоящая на листьях черной смородины.

Какие бы ни были тяжелые переходы или маневренные действия, при первом же привале Марка раскрывал свой лоток, и желавшие могли закусывать по своему вкусу.

Последние годы с ним выходили два сына, но при очень больших и тяжелых переходах сыновья иногда не выдерживали и отставали в пути. Один старик всегда был тут как тут.

Особенно ценился он, когда, посланный в штаб отряда за приказанием и задержанный там до

глубокой ночи, часто не успев пообедать, вернешься, когда столовая давно уже уложена и все спят. Есть хочется до тошноты и вдруг появляется Марка со словами: «А я вам приберег закуску» и поставит у палатки «листовку», хлеб, мясо или что-нибудь из закусок.

Марка был крестьянином Тверской губернии, давно уже являлся богатым человеком, обладал капиталом в несколько сот тысяч рублей, вел по весне крупную торговлю молодыми деревьями у Семеновского моста. Но он так сжился с полком, что, как только мы выступали, Марка оставлял все прочие дела, шел с полком и оставался с нами до окончания больших маневров.

Был еще один старик, Сапожок, который постоянно вращался около офицеров 1-й Гвардейской дивизии. Жил тем, что выменивал у офицеров старые погоны и галунные портупей на новые, по расчету за новую пару погон или новую галунную портупею — по 5 пар старых погон или 5 старых галунных портупей.

Сколько лет прожил так Сапожок при полках 1-й Гвардейской дивизии, никто точно не знал, но, например, один из моих дядей, которому в 1870 году было уже за 60 лет, отлично помнил Сапожка и, увидав старика у меня, сразу его узнал и очень ему обрадовался.

6 ноября 1868 года состоялось мое

производство в офицеры. Я был произведен в прапорщики тринадцатым, сверх комплекта и лишь на третьем году офицерской службы попал в комплект полка.

Жалованье младшего офицера тогда составляло 312 рублей в год, которые выдавались по третям — 104 рубля в треть. В 1870 году последовало первое увеличение офицерского содержания в форме полугодового оклада, то есть 156 рублей, которые выдавались единовременно перед Пасхой.

6 ноября я был произведен в офицеры, а 15-го была отпразднована серебряная свадьба моих родителей.

Отмечаю здесь этот день, потому что он послужил как бы поворотной точкой в жизни нашей семьи.

Мы жили очень патриархально, никуда не выезжали, кроме дней семейных праздников в семьях дядей и другой родни. В своем внутреннем мире мы были поглощены учением, так как нам предъявлялись очень большие требования.

Вспоминая, как мы целые дни проводили за книгой или за писанием сочинений, кроме полутора-двухчасовой прогулки или катания на коньках, даже летом занимаясь по утрам, странно бывало слышать постоянные сетования на переутомление детей от учения.

Правда, к девяти часам вечера мы все уже были в постели и спали зимой до семи, а летом до шести часов.

Когда же подросли сестры, круг знакомых стал расширяться, установились танцевальные вечера, на которые с осени 1868 года я смог уже приглашать моих полковых товарищей.

Так прожили мы до конца 1868 года, совершенно не замечая того, что творилось вне нашего дома, почти не зная внешнего мира. Даже хроническая болезнь моей матери, продолжавшаяся много лет, стала как бы нормальным явлением.

Никто из близких в это время не умирал.

Среди такого замкнутого круга нашей семейной жизни особенно ярко вспоминается весна 1862 года.

У отца была дача в 14 верстах от Петербурга на Парголовском озере, на которую мы переезжали возможно раньше, обыкновенно в конце апреля, и оставались на ней до октября, купаясь с самого дня переезда по день отъезда в город. В октябре температура воды в озере понижалась до 6 градусов.

В 1862 году ввиду обострившейся болезни матери нас, четырех младших (вторую сестру и трех братьев), отправили на дачу с нашей воспитательницей мадемуазель Лалле, отец же и старшая сестра остались с матерью в городе.

В тот год в Петербурге и во многих других городах возникали ежедневные пожары, охватывавшие целые улицы. Выгорало по несколько десятков, сотен домов, шли постоянные поджоги.

Особенно сильный пожар был в Духов день. Во время ежегодного в этот день гуляния в Летнем саду — смотрин купеческих невест — подожгли гостиный двор, толкучий рынок, а по ту сторону Фонтанки у Чернышова моста лесные склады Громова и весь Жербаков переулок.

От запылавших складов, досок, бревен, дров получился такой каленый жар, что загорелось здание Министерства внутренних дел, по воздуху летали горящие головни (целые балки), толстые папки с делами, на воде горели садки.

Наша квартира находилась в Театральном переулке, окна большой гостиной и нашей классной комнаты выходили на Чернышевскую площадь против самого Министерства внутренних дел. Жар был так силен, что люди все время поливали водою стекла балконной двери и окна.

Мы с Лалле все время стояли на Парголовской горе, откуда город казался охваченным одним огненным кольцом и, наконец, не утерпев, переглянулись со старшим братом, побежали домой, сели верхом и тайком уехали в город, куда прибыли около девяти часов вечера. Родители

сделали вид, что сердятся на нас, но мы по тому, как нас поцеловала мать, по лицу отца, по тону его вопросов, зачем приехали, понимали, что они в душе одобряют нас.

К вечеру следующего дня пожар начал затихать, склады дерева, деревянные дома Щербакова переулка, толкучий рынок выгорели дотла. Гостиный двор частью уцелел. Удалось при помощи впервые примененной паровой машины отстоять нижние этажи Министерства. Уцелела и наша квартира.

Когда мы с братом под вечер пошли по направлению к Александрийскому театру, то увидели следующую картину: с Невского на Театральную площадь, мимо здания Публичной библиотеки свернул государь Александр II. Он ехал один, верхом, шагом, окруженный сплошной толпой народа, которая теснилась к нему, крестила его, целовала его руки, ноги, даже лошадь. Государь ехал на пожарище грустный, слезы временами капали из глаз.

Всего лишь год с небольшим тому назад, государь, освободивший десятки миллионов людей от крепостной зависимости, наделивший их землей, сделавший это одним росчерком пера (чему нет другого примера в мировой истории) видел кругом себя растущие злодеяния и не мог не скорбеть душою.

Виденная нами картина, обожание толпы не поддаются никакому описанию. Но она так и стоит у меня перед глазами.

Когда мы рассказали матери все виденное нами, она крепко поцеловала нас и сказала:

— А теперь поезжайте обратно, успокойте бедную Лалле, хотя ей уже сообщили, где вы.

Возвращаюсь к празднованию серебряной свадьбы: это было наше последнее торжество, 12 марта 1870 года внезапно скончалась мать.

В мае женился старший брат, двадцатилетний студент 5-го курса Медико-хирургической академии.

Ранней осенью жившая у нас с отбытия в Париж мадемуазель Лалле, англичанка мисс Эллен, заболела черной оспой и, проболев неделю, скончалась на руках моих сестер, не допустивших ее отправки в больницу.

Весной 1871 года вторично женился мой отец, на княжне Трубецкой, а вслед затем вышли замуж старшая сестра за барона Таубе, вторая сестра за Зубова, и они переехали на жительство в Псков.

В октябре 1872 года старшая сестра, отличавшаяся всегда крепким здоровьем, неожиданно скончалась от неблагополучных родов.

Недолголетен оказался и второй брак отца. Хотя они совершенно подходили друг другу по возрасту и в 1873 году у них благополучно

родилась здоровая, крепкая дочь, отец с весны 1874 года стал недомогать. Объяснили это переутомлением от постоянной напряженной работы, и в начале лета того же года они уехали на продолжительный отдых за границу. Мы сначала переписывались, но затем, с середины лета, письма от него прекратились. Осенью отец и мачеха неожиданно вернулись и поселились на даче. Отец стал постепенно утрачивать дар речи, обнаружили признаки прогрессивного паралича. Проболев несколько месяцев, он скончался 22 января 1875 года, не дожив одного месяца до 56 лет.

Владимира Егоровича знала не только Медико-хирургическая академия, где он был тридцать пять лет профессором и ведал клиникой по внутренним болезням, но знал и любил весь Петербург, богатый и бедный, как врача, никогда никому не отказавшего в помощи, всегда ехавшего к больному по первому зову, будь то днем или ночью, смелого в лечении и никогда не останавливавшегося ни перед какой ответственностью, если дело шло о спасении жизни.

Изменилось наше материальное положение, и в дальнейшем мы были предоставлены сами себе.

Так решительно поступила жизнь, разрушив наше гнездо и поставив нас перед своей

действительностью.

Но возвращаюсь к первым дням моего производства в офицеры.

В чине прапорщика я пробыл около шести лет. Вообще, пока существовало производство по полкам, в Семеновском же полку производства почти не было, и мы, семеновцы, в отношении продвижения в чинах намного отставали от своих сверстников других полков 1-й Гвардейской дивизии, но нам так хорошо жилось, что никто на это не сетовал и не расставался с родным полком.

Служба младших офицеров состояла:

а) в ответственном обучении своих взводов по всем отделам одиночного обучения и стрелкового дела;

б) в обучении грамотности и по уставам внутренней и гарнизонной служб;

в) в несении нарядов помощника дежурного по полку, в караулах и дежурными по военным госпиталям, кроме того, каждый младший офицер ежемесячно наблюдал за приготовлением пищи.

В то время каждая рота самостоятельно вела полное хозяйство, то есть не только варила обед и ужин, но пекла хлеб и варила квас. Государева рота славилась своим хлебом и кашей. Каша ставилась в чугунах в глубь хлебной печи и там парилась во все время выпечки хлеба, делаясь особенно мягкой и рассыпчатой. Масло в кашу выдавалось чухонское,

по расчету 3 фунта на 100 человек.

Помню, как я, пробуя впервые пищу, увидав в котле какую-то, как мне показалось, грязную накипь, попрекнул кашевара и хотел приказать ее снять.

К счастью, за мной стоял Ксенофонт Максимыч, который шепнул:

— Ваше Высокоблагородие, ведь это вы велите навар снять.

Когда мы вышли с кухни, объяснил мне, что такое навар. Я был очень смущен, а когда рассказал об этом дома за обедом, сестры подняли меня на смех.

Чайного довольствия не было совсем. В казармы допускались сбитенщики, у которых желающие могли покупать сбитень по полкопейки за кружку. В лагерное время кроме сбитня единственным лакомством для солдат были оладьи, продававшиеся с лотка. За копейку солдат имел право взять одну оладью и обмакнуть ее в постное масло, кувшин с которым висел у лотка.

Посты соблюдались полностью до 1872 года, когда по настоянию врачей для улучшения питания людей постную пищу приказано было варить лишь на первой, четвертой и седьмой неделях поста и в дни говения.

Приверженность к постам среди людей была так велика, что когда впервые на второй неделе

сварили скромную пищу, только один солдат во всем полку поел ее, остальные до нее не дотронулись и предпочитали оставаться на одном хлебе.

Офицерских собраний еще не было, но мы часто сходились по вечерам либо в дежурной комнате и биллиардной при ней, либо на квартире полкового адъютанта, штабс-капитана Ковалевского, а потом штабс-капитана Викулина, обменивались впечатлениями и беседовали до глубокой ночи. Об усталости никто никогда не упоминал.

Только когда приезжал отставной семеновец Бакунин, беседы переходили все пределы, так как Бакунин ни за что не ложился спать ранее пяти часов утра и любил начинать ужинать после двух часов ночи.

Однажды было решено отучить его от столь поздних «посиделок», и когда Бакунин появился во втором часу ночи, по обыкновению потребовав ужинать, ему заявили, что, к сожалению, ничего нет. Он не поверил, отправился обыскивать все шкапы, но ничего не нашел. Сперва было рассердился, но потом расхохотался:

— Это свинство, господа, предательство. Вы это нарочно против меня сделали. Посидел недолго и уехал.

Через день, когда мы стали уже расходиться,

вдруг появился Бакунин и торжественно заявил:

— Второй раз не надуете, прошу всех остаться, а ты (обращаясь к денщику) принеси с извозчика корзину и мы отлично поужинаем.

Пришлось с ним примириться.

Наезжали и другие старые семеновцы, среди них неугомонный Назимов. Этот не довольствовался беседой в излюбленной квартире, настаивал на поездку к Дюссо или Делуту (известный тогда ресторан), или в «Самарканд» к цыганам, где и давал волю своей широкой натуре.

Еще живо сохранялось воспоминание о последней его выходке, после которой, в сущности, ему и пришлось оставить полк.

Уехавши на воскресенье в город, Назимов к понедельнику в лагерь не вернулся, полку же предстоял высочайший смотр стрельбы. Командир полка граф П. А. Шувалов, зная повадку Назимова, командовавшего четвертой ротой, приказал полковому адъютанту Ковалевскому разыскать Назимова и во что бы то ни стало водворить его в лагерь.

Штабс-капитан Ковалевский с одним из ближайших друзей Назимова тотчас же выехали в Петербург, оттуда в Новую деревню на Минеральные воды Излера, где и застали Назимова в обществе знаменитой тогда шансонетной певицы Матильды, в которую он был без памяти влюблен.

Когда за ужином стали настаивать на его немедленном возвращении в лагерь, Назимов объявил, что никуда от Матильды не уедет.

Пришлось прибегнуть к ее помощи, и она действительно уговорила его обещанием проводить до самого лагеря.

Назимов сдался, но потребовал, чтобы в честь Матильды была подана от Сабаева четверка серых с лентами в гривах.

И эта его фантазия была исполнена. Решимость Матильды проводить Назимова являлась настоящим самоотвержением с ее стороны, потому что ей пришлось одной ехать обратно на той же четверке, ибо в то время в лагерь гости допускались только в определенные дни, раз в неделю (у нас по четвергам).

В офицерскую столовую можно было вводить только офицеров других частей, все же остальные гости, даже семьи своих офицеров принимались или в бараке пригласившего, или в беседках в саду при офицерской столовой.

Особенно торжественным днем, настоящим военным праздником являлся день высочайшего объезда лагеря, заканчивавшийся зорей с церемонией при царской Ставке на левом фланге нашего полка.

При объезде войска стояли на передней линейке своих лагерей без оружия. Всюду

раздавалась музыка и песни, а при появлении державного вождя, после ответа на приветствие, раздавалось громовое «Ура».

Государыня императрица, великая княжна и великие княгини следовали вдоль линии лагеря в парадных экипажах la Daumond, государь император на коне в сопровождении великих князей, дежурства, свиты и начальствующих лиц.

Зорю играли все хоры музыкантов и барабанщики (свыше 500 человек) под управлением Вурма. Молитву «Отче Наш» читал полковой барабанщик лейб-гвардии Преображенского полка.

В лагерное время все занятия и смотры производились в походной форме и только один раз, на параде в присутствии государыни императрицы Марии Александровны, 10¹⁰ войска выводилась на парад в летней парадной форме (мундир с эполетами и лацканами, в пехоте белые шаровары навывпуск).

По прохождении всех войск церемониальным маршем император Александр II сам принимал

---

¹⁰ Великая княжна Мария Александровна (1853–1920) — дочь императора Александра II и императрицы Марии Александровны. С 1874 г. замужем за принцем Альфредом герцогом Эдинбургским. С 1893 г. герцогиня Саксен-Кобург-Готская, сохранила титул герцогини Эдинбургской.

командование и, построив войска в общую резервную колонну, проводил их перед государыней императрицей, салютуя Ее Величеству. Все шли в ногу. Музыканты на ходу играли колонный марш, следуя при своих частях, получалось величественное зрелище.

В одну из вечерних бесед мы договорились о том, что наша полковая библиотека, насчитывавшая уже тогда свыше 4000 томов и постоянно пополняемая, далеко не в должном порядке, и что необходимо составить систематический каталог по отделам.

Сейчас же заявили шестеро желающих взяться за эту работу.

Собирались по вечерам, работали усердно до глубокой ночи и составили каталог.

Не обошлось и тут без веселых ужинов.

Когда засиживались очень долго, один из нас, по очереди, отправлялся в Милютины лавки, покупал холодной еды и на обратном пути, в Троицком переулке, стучался в форточку булочной Филиппова и приобретал горячие булки.

Всю зиму каждое воскресенье полк, заступавший в караул по первому отделению, сдавал в Михайловском манеже в высочайшем присутствии развод с церемонией.

Часть, сдающая развод, строилась по одному фасу манежа, против нее, по другому фасу —

офицеры всех полков Петербургского гарнизона с командирами полков во главе.

По команде «господа обер— и унтер-офицеры на середину марш!» государь обыкновенно добавлял «господам офицерам являться».

По этой команде каждый из офицеров, заступавший в караул, держа саблю «под высь», подходил к Его Величеству и, опустив саблю, рапортовал:

«Ваше Императорское Величество, такой-то караул наряжен».

Кажется просто, а между тем хорошо явиться было очень трудно. Волнение, которое мы испытывали, подходя к государю, и сотни глаз, следившие за каждым жестом являющихся, вызывали особенное напряжение. Зато, когда все бывало сойдет хорошо и по окончании развода услышишь от государя: «Спасибо, семеновцы, за блестящий развод», появлялось чувство какого-то особенного удовлетворения.

Среди ровного течения мирной жизни три события в течение 1872 года внесли большое оживление во внутреннюю жизнь полка.

В Вербное Воскресение сдавал развод 1-й батальон Семеновского полка. Когда по прибытии «сбора» вышли вперед обер— и унтер-офицеры, вместо обычных слов «господам офицерам являться», государь, подозвав наследника, повелел

взять «на караул» и громко произнес:

— Поздравляю вас с новым начальником дивизии.

Долго несмолкаемое «Ура!» было ответом на эти слова.

Когда Его Величество отбыл из Манежа, старый начальник дивизии генерал-адъютант Дрентельн подошел к нам и сказал:

— Встаньте, господа, кругом, сейчас наследник цесаревич придет благодарить вас от имени государя за действительно блестящий развод.

Долго не шел наследник. Наконец решился, стал подходить быстрыми шагами и вошел в круг, покраснел до того, что весь затылок побагровел.

Постояв несколько мгновений, цесаревич обратился к генерал-адъютанту Дрентельну:

— Не могу, Александр Романович, скажите вы им, — и быстро удалился.

Генерал-адъютант Дрентельн улыбнулся и сказал:

— А между тем государь император дал Его Императорскому Высочеству самое приятное поручение поблагодарить вас за блестящий развод и за то, как вы отлично все щегольски, строго являлись, по форме одеты.

На Фоминой неделе прибыл в Петербург

старый германский император Вильгельм 11 благодарить государя императора за пожалование в его лице германской армии ордена Св. великомученика и победоносца Георгия I степени и назначения его шефом 13-го драгунского Военного ордена полка.¹²

По случаю этого приезда состоялись торжества: после парадного обеда зоря с церемонией на Дворцовой площадке и парад войскам на Царицыном Лугу.

Весна стояла холодная. Царицын Луг еще был замерзший. Градоначальник генерал-адъютант Трепа¹³ решил во чтобы-то ни стало осушать луг.

---

¹¹ Вильгельм I (1797–1888) — германский император (с 1871), сын прусского короля Фридриха Вильгельма III и Луизы Мекленбург-Штрелицкой. Регент (1857), король Пруссии (1861).

¹² 13-й драгунский Военного ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полк сформирован в 1709 г. как Драгунский гренадерский полковника фон дер Роппа полк. С 1864 г. — 13-й драгунский Военного ордена полк. С 1882 г. имел номер 37, с 1907 г. — 13. В 1914 г. входил в 1-ю бригаду 13-й кавалерийской дивизии 14-го армейского корпуса. Дислокация — г. Гарволин Варшавской губернии.

¹³ Имеется в виду Федор Федорович Трепов (1808 или

С этой целью за день до парада весь луг был уложен кубами дров на одну сажень друг от друга и зажжен. Но результат от такой топки получился обратный. Луг глубоко растопило и получилась вязкая грязь. Пока проходила пехота, было тяжело только нам. Когда же пошла артиллерия, а за нею кавалерия и государь стал подавать сигналы «рысь и карьер», то грязь взлетала стеной к стороне императоров.

Также состоялись смотр батальона лейб-гвардии Семеновского полка с числом рядов по военному времени, на котором был подробно показан новый только что высочайше утвержденный устав — «действия в сомкнутом и в рассыпном строях», все действия в рассыпном строю были проведены со стрельбой холостыми патронами; и смотр 13-го драгунского Военного ордена полка, нарочно вызванного из Ковно для приветствия шефа.

В этом же году исполнилось 200 лет со дня рождения Петра Великого.

Ко дню парада в Петербург был доставлен ботик собственноручной работы Петра и

1812–1889) — русский государственный и военный деятель. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии, затем санкт-петербургский обер-полицмейстер (1866–1873) и градоначальник (1873–1878).

торжественно провезен перед фронтом войск.

Почетными парными часовыми к ботику были назначены унтер-офицеры от полков Петровской бригады (лейб-гвардии Преображенского и Семеновского). Часовые стояли у ботика в парадной форме времен Петра. Мы подобрали четыре пары одна красивее другой настолько, что старые генералы приезжали в полк и просили показать им часовых.

Великим днем являлся день полкового праздника, 21 ноября, Введение во храм Пресвятой Богородицы.

К празднику тщательно готовились, даже шитье новых мундиров мы, офицеры, подгоняли к этому дню и обновляли их на Церковном параде. В ротах, помимо улучшенной пищи, устраивались развлечения, допускались гости, танцы.

Накануне праздника в полковом соборе, после всенощной, служили панихиды по всем почившим Державным шефам полка, по всем семеновцам, живот свой на поле брани положившим и мирно почившим.

После панихиды все собирались на чай в дежурную комнату. Самыми дорогими гостями были старые семеновцы, посещавшие нас в этот день, и беседа с ними затягивалась на долгие часы.

Вечер целиком принадлежал нам.

В ноябре 1872 года в Петербург прибыл

император Франц Иосиф, ¹⁴ и государю благоугодно было назначить в честь него парад войскам на 22 ноября.

Кому-то из осторожных пришла мысль о необходимости ввиду высочайшего смотра перенести домашнее празднование полкового праздника на другой день.

Командир полка предложил спросить офицеров. Мы же и мысли не допускали о перенесении празднования на иной день и единогласно ответили:

— Праздник справлять как всегда, что касается парада, то ручаемся и за себя и за людей.

Командир улыбнулся:

— Справляйте по-семеновски, но в полночь всему конец.

Слово командира для нас было, что закон, все было точно исполнено, и на другой день на параде полк представился блестяще.

Но раз случилась и беда: на высочайшем смотре стрельбы стрелковых батальонов и рот 2-я стрелковая рота, числившаяся первой во всем

---

14 Франц-Иосиф I (Франц-Иосиф-Карл Габсбург-Лотарингский) (1830–1916) — император Австрии (1848) и апостольский король Венгрии (1867), сын австрийского эрцгерцога Франца.

Петербургском округе, в этот раз не вошла даже в оценку.

Ротный командир капитан Савицкий, уже много лет командовавший ротой, стоял бледный, как полотно, вся рота потупилась.

Государь, выслушав доклад, проехал дальше, не сказав ни слова.

Уже все начальство уехало, другие части начали расходиться, а командир и рота все также стояли. Никто и слова не проронил.

Вдруг смотрим, полной рысью на своем Полкане едет генерал-адъютант Дрентельн:

— Чего, семеновцы, носы повесили, случайная неудача в счет не идет, какими были отличнейшими молодцами, такими и остались, с песенниками домой.

Тронулись, попробовали запеть, но не смогли.

Больше всего людей пригнетало то, что никто, ни младшие офицеры, ни ротные, ни батальонные, ни полковой командир ни единым словом не попрекнули роту.

В 1874 году была впервые введена всеобщая воинская повинность и набор произведен на основании нового закона.

Несмотря на обширные льготы по образованию, на введение института вольноопределяющихся, многие студенты не пожелали воспользоваться предоставленными им

льготами, добровольно тянули жребий и отбыли повинность на общем основании.

Все зачисленные в полк студенты замечательно добросовестно относились к службе, всем служили примером и оставили по себе добрую память.

Заканчивая воспоминания о годах, проведенных в строю родного полка, не могу не отметить одного впечатления, которое испытывалось не только мною, но и большинством офицеров, сжившихся и сроднившихся с полком, с его внутренней жизнью и чутко воспринимавших все до него касавшееся.

Как ни воздавал нам за наши труды император Александр II, как ни благодарил за все смотры, за блестящее состояние полка, ¹⁵ все же чувствовалось, что нет к полку того полного душевного благоволения, какое проявлялось у государя к другим полкам.

Такое же отношение к полку чувствовалось и при императорах Александре III и даже при

---

¹⁵ Речь идет о 1-й гвардейской пехотной дивизии. Сформирована в 1807 г. 1-я бригада — лейб-гвардии Преображенский и Семеновский полки; 2-я бригада — лейб-гвардии Измайловский и Егерский полки. Входила в 1-й Гвардейский корпус, дислокация — Санкт-Петербург.

Николае II. Причина этого явления крылась в одном событии из жизни Семеновского полка, в 1822 году, когда полк был обвинен в бунте и сразу утратил расположение императора Александра I, до того особенно любившего полк.

Вот что мне известно по поводу этого события со слов покойного генерал-лейтенанта Николая Константиновича Языкова, отец которого был офицером старого Семеновского полка, и со слов Елизаветы Борисовны Почацкой, родной сестры князя Трубецкого, также офицера старого Семеновского полка.

Император Александр I особенно любил Семеновский полк, самым близким лицом к императору был тогда генерал-адъютант князь Волконский, неотлучно состоявший при государе, сопровождавший его во всех поездках по России, сам офицер и командир старого Семеновского полка.

В первые годы царствования императора Александра I служба солдата была пожизненная, а затем был установлен срок в 25 лет.

Проезжая через города и села, государь был всюду встречаем населением хлебом-солью. Государь беседовал с жителями и часто, во время этих бесед, Его Величество вдруг обращался к князю Волконскому:

— Посмотри какой красавец, он как раз

подойдет в такую-то роту. Запиши его в Семеновский полк.

Так постоянно полк пополнялся отборными людьми, среди которых попадали сыновья дворовых, игравшие и учившиеся вместе с господскими детьми, владевшие часто иностранными языками.

Если припомнить, что в те годы, начиная с 1805-го и заканчивая 1814-м, полк принял участие во всех европейских войнах, в избавлении Родины от нашествия Наполеона, в битве народов под Лейпцигом и во вступлении наших войск в Париж, то станет ясно, что полк, ввиду особенностей своего формирования, выделялся. Офицеры близко стояли к солдатам, вникали во все их нужды, делились с ними книгами и даже иностранными журналами, телесные наказания в полку не применялись.

Так шла жизнь полка до 1818 года.

В 1818 году император Александр Павлович во время пребывания на Эрфуртском конгрессе впервые услышал от князя Миттерниха,¹⁶ что в самой России в отношении революционных

---

¹⁶ Меттерних-Виннебург Клеменс Венцель Лотар (1773–1859) — австрийский дипломат, в 1809–1821 гг. — министр иностранных дел. Председатель на Венском конгрессе в 1815 г., один из организаторов Священного союза.

течений не вполне благополучно, и что эти течения нашли благоприятную почву в любимом государя Семеновском полку.

Пораженный этими сведениями, Александр Павлович по возвращении в Петербург поделился ими со своими братьями и по настоянию великого князя Михаила Павловича было решено подтянуть полк, для чего командиром был назначен генерал-майор Шварц, узкий фронтовик, жестокий по натуре, Шварц совершенно не понял, с каким полком имеет дело. Начались мелкие придирки, были восстановлены телесные наказания.

Один из излюбленных приемов подтягивания заключался в следующем: каждый день, в семь часов утра, в зал командирского дома должны были прибывать по одному рядовому от каждой роты, раздеться, сложить по форме вещи на расставленных табуретках и голыми ожидать появления командира полка.

Шварц входил, проверял, так ли разложены вещи, и приказывал одеваться.

Если кто-либо при этом ошибался, то Шварц, сам маленького роста, вскакивал на табуретку, надевал провинившемуся кивер и бил по нему до тех пор, пока кивер не спускался через лицо и уши до самой шеи.

Не лучше шло и на учениях. Особенно он придирался к государевой роте, сплошь состоявшей

из Георгиевских кавалеров.

Дошло наконец до того, что в 1822 году¹⁷ на одном из строевых учений расвирепевший Шварц приказал арестовать государеву роту и отвести ее в Петропавловскую крепость.

Вот тут впервые полк не сдержался и раздались голоса:

— Государева рота нам голова, если ее арестовать, то и мы вместе с ней пойдем в крепость.

Испугавшийся Шварц поскакал к великому князю Михаилу Павловичу и доложил, что в полку вспыхнул бунт.

Великий князь поверил, доложил государю и было решено раскассировать полк.

В Петербург был приведен 9-й пехотный Новоингерманландский полк, ¹⁸ переодет в

---

¹⁷ Автор ошибается — «бунт» произошел в конце 1820 г.

¹⁸ Автор неточен либо в номере, либо в названии полка — существовали пехотные 9-й Ингерманландский и 10-й Новоингерманландский. 9-й пехотный Ингерманландский императора Петра I полк сформирован в 1703 г. С 1864 г. — 9-й пехотный Староингерманландский полк, с 1903 г. — 9-й пехотный Ингерманландский императора Петра I полк. В 1914 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса. Дислокация — Калуга. Расформирован в 1918 г. 10-й пехотный Новоингерманландский полк сформирован в 1790 г. как Новоингерманландский пехотный

семеновские мундиры, а всех семеновцев раскассировали по другим полкам с таким расчетом, чтобы никуда более шести человек не попало.

Полк был переведен в молодую гвардию и вернул себе права старой гвардии лишь в 1831 году за штурм Воли.¹⁹

И вот с того времени, несмотря на все заслуги, Семеновский полк все же был в подозрении. Даже доблестное поведение полка в 1905 году не вполне загладило это отношение.

В 1875 году я поступил в Академию Генерального штаба.

В то время еще не было столь многочисленных приемов. Вступительный экзамен производился довольно строго.

В течение младшего курса и первых съемок к проходившему курс присматривались, а сортировка

полк. С 1864 г. — 10-й пехотный Новоингерманландский полк. В 1914 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии 17-го армейского корпуса. Дислокация — Калуга. Расформирован в 1918 г.

¹⁹ Имеются в виду события Польского восстания 1831 г. Предместье Варшавы — укрепленный район Воля — было взято штурмом русскими войсками под командованием генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича 25 августа 1831 г.

шла при переходных экзаменах с младшего курса на старший. Зато кто успешно их выдерживал, считался уже желательным в академии как будущий офицер Генерального штаба.

В дальнейшем ему во всем помогали, и только собственное нежелание серьезно заниматься могло повлечь неудачу на экзаменах, на темах дополнительного курса и отчислении от академии.

Так было и с нами. На приемный экзамен явилось 85 офицеров, из них выдержали вступительный экзамен и были зачислены в академию 36, из этих 36 перешли на старший курс 24, которые успешно окончили академию (18 — по первому разряду, 6 — по второму).

Наш выпуск был последним при генерал-лейтенанте Леонтьеве, скончавшемся весной 1878 года от рака.

Генерал-лейтенант Леонтьев стоял во главе академии в 1865 года. Своим твердым руководством, необычайным тактом и умелым подбором профессоров совершенно преобразовал внутренний быт и внешний облик будущих офицеров Генерального штаба и поставил академию на такую высоту, какой она не достигала ни до него, ни после.

Мы еще застали всех лучших из старых профессоров: по прикладной тактике и стратегии

генерал-лейтенанта Леера,²⁰ по военной истории генерал-майора Станкевича. по статистике иностранных государств (обзор пограничных театров войны) генерал-майора Обручева,²¹ по статистике России генерал-лейтенанта Макшеева,²²

---

²⁰ Леер Генрих Антонович (1829–1904) — русский военачальник, профессор военного искусства. С 1865 г. профессор кафедры стратегии и военной истории Николаевской академии Генштаба и профессор такой же кафедры Инженерной академии. В 1889–1898 гг. начальник Николаевской академии Генштаба. Автор многих трудов по стратегии и тактике, военной истории.

²¹ Обручев Николай Николаевич (1830–1904) — русский военный деятель. Участник венгерской кампании 1849 г. и Крымской войны. В 1856 г. адъюнкт-профессор кафедры военной статистики, в 1857–1875 г. профессор, в 1875–1878 гг. почетный профессор (с 1893 г. — почетный член) Николаевской академии Генштаба. В 1876 г. главный исполнитель при разработке стратегического плана войны с Турцией 1877–1878 гг. Генерал-адъютант (1878), генерал-лейтенант (1887). В 1881–1897 гг. начальник Главного штаба. С 1893 г. член Государственного совета и почетный член Академии наук. Автор ряда капитальных трудов по военной истории и военному искусству.

²² Макшеев Алексей Иванович (1822–1892) — русский генерал. С 1854 г. профессор Николаевской академии Генерального штаба. В 1866 г. генерал-майор, в 1879 г. генерал-лейтенант; с 1864 по 1891 г. член Военно-ученого

по геодезии генерал-майоров Рехневского и Штубендорфа, по русскому языку профессора Галахова, по международному праву профессора Феоктистова. При нас же начали чтение лекций молодые профессора: по тактике пехоты полковник Гудима-Левкович, по тактике кавалерии, а затем и военной истории полковник Сухотин.²³

Пропускать лекции не приходилось не только потому, что по уставу академии посещение лекций было обязательно и приравнялось к служебным обязанностям, но такие профессора, как Леер, Обручев, Макшеев, в своих лекциях часто излагали столько нового, еще не вошедшего в руководства, что без записи лекций нельзя было с успехом выйти к экзамену.

Генерал-майоры Леер, Обручев, Станкевич читали так увлекательно, что мы заслушивались. Генрих Антонович Леер, имея в своем распоряжении время после большого перерыва (от 12.30 до 3 часов), читая прикладную тактику или стратегию, не только увлекал нас, но и сам так

комитета Главного штаба.

²³ Речь идет о работе Сухотина Н. Н. «Рейды, набегы, наезды, поиски конницы в Американской войне 1861–1865 гг.» (СПб, 1887).

увлекался иногда, что забывал про перерыв между лекциями и заканчивал чтение далеко после трех часов.

Кроме слушания лекций, к нашим услугам были библиотека академии и богатейшая библиотека Главного штаба.

В перерывах между лекциями процветала шахматная игра, особенно вчетвером.

Так и мы четверо: Водиско, Надаров, Чичагов и я, постоянно садились за четверную партию.

Мнение, что переходный экзамен на старший курс почти наверняка предрешал успешное окончание академии, настолько установилось среди состоявших в ней офицеров, что вслед за окончанием этих экзаменов все выдержавшие их сходились на общий обед, за которыми происходило настоящее братание.

Будучи в академии, я связи с полком не порывал. Не удалось только летом 1877 года выступить в поход с родным полком. Гвардия выступила в поход в конце лета, а наш выпуск последовал лишь осенью.

Тотчас по окончании курса мы все были причислены к Генеральному штабу и отправлены на театр войны: 18 человек на европейский и шестеро на кавказский.

Я попал в штаб 9-го армейского корпуса.

Глава II

28 ноября 1877 года пала Плевна,²⁴ сдалась армия Османа-паши²⁵ и возобновилось победоносное наступление нашей армии. Войска Гурко,²⁶ перевалив в декабре Балканы, заняли Софию и, продолжая безостановочно преследовать противника, подошли к Филиппополю, в трехдневном бою с 3 по 5 января 1878 года

---

²⁴ Всего за время осады Плевны произошло три сражения: «Первая Плевна» — 8 июля 1877 г., «Вторая Плевна» — 18 июля и «Третья Плевна» — 30 августа. Затем русские войска перешли к осаде города, и 28 ноября он пал.

²⁵ Осман Нури-паша (1832–1900) — турецкий генерал, командовал войсками при осаде и взятии Плевны 8 июля — 28 ноября 1878 г. Был вынужден капитулировать, в бою был ранен, попал в плен. За мужество император Александр II вернул пленнику саблю.

²⁶ Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901) — русский военачальник, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1877 г. генерал-адъютант, кавалер ордена Св. Георгия III и II степеней. В 1879–1880 гг. временный генерал-губернатор Санкт-Петербурга, в 1882–1883 гг. генерал-губернатор Одессы, в 1883–1894 гг. генерал-губернатор Варшавы и командующий войсками Варшавского военного округа. С 1894 г. генерал-фельдмаршал.

окончательно разгромили армию Сулеймана-паши,²⁷ остатки которой разбрелись по Родопским горам.

Войска Радецкого,²⁸ спустившись с Шипки,²⁹ заставили армию Весселя-паши положить оружие.

5 января мы заняли Адрианополь, и путь на Константинополь был открыт. Продвигаясь к югу, наши войска дошли до берегов Эгейского моря и заняли Демотику и Деде-Агач. Главная же масса

---

²⁷ Сулейман-паша (1838–1883) — турецкий генерал. Отличался крайней жестокостью по отношению к болгарскому мирному населению и военнопленным. В 1877 г. командовал турецкими войсками во время боев на Шипкинском перевале. В 1878 г. командовал турецкой армией в сражении под Филипполем. После войны был осужден и разжалован.

²⁸ Радецкий Федор Федорович (1820–1890) — русский военачальник. В 1877 г. генерал от инфантерии, командир 6-го армейского корпуса. Награжден орденом Св. Георгия III и II степеней. С 1878 г. генерал-адъютант. В 1882–1888 гг. командующий Харьковским, в 1888–1889 гг. — Киевским военными округами. С 1888 г. — член Государственного совета.

²⁹ Имеются в виду боевые действия в районе Шипкинского перевала в Болгарии в июле — декабре 1877 г.

войск была двинута на Константинополь и Галлиполи.

В тылу было образовано Адрианопольское генерал-губернаторство. В его состав вошли все занятые нами земли к югу от Балкан. Генерал-губернатором назначен командир 9-го корпуса Генерального штаба генерал-лейтенант Свечин.

Особого штата управления сформировано не было, и обязанности начальника канцелярии генерал-губернатора нес начальник штаба корпуса, а чинов канцелярии — офицеры штаба.

Работа по устройству края было огромна.

В течение первых четырех месяцев была разобрана 31 тысяча жалоб. К счастью, удалось нанять хороших переводчиков, ибо жалобы подавались преимущественно на турецком, армянском и греческом языках.

В Адрианаполе скопилось свыше 20 тысяч мухаджиров, то есть жителей, бежавших из своих деревень и городов, побросавших все свое добро и буквально голодавших. Все это были мусульмане. Гордые турки ничего не просили, но их жены и дети с чашечками в руках робко подходили к солдатским столовым и ожидали, пока не раздадут пищу. И солдаты, обязательно ворча, выругавшись нехристями, тут же щедро наполняли их чашки щами и делились хлебом.

Дошло до того, что начальник пятой дивизии, посетив кухню, остался крайне недоволен жидкой пищей и приказал провести расследование. Оказалось, что люди столько отливали в чашки жителей, что кашевары должны были лить в котлы в полтора раза больше воды, чем полагалось при раскладке. Прочитав расследование, начальник дивизии приказал увеличить дачу мяса до полутора фунтов в день на человека и наблюсти, чтобы щедрость людей не слишком шла в ущерб их собственному питанию.

Но вскоре подошла новая беда.

С переходом войск на покой, началась реакция в натруженных организмах. Сказались последствия перехода Балкан в глубоких снегах Правацкого обхода семеновцев, во время которого три человека умерли от натуги, перехода Петровский бригады вброд по грудь через реку Марицу 4 января 1878 года и затем бивакирования на снегу, снежной вьюги на Баба-горе, когда, несмотря на все принятые меры спасения, остались погребенными под снегом до восьмисот человек и орудия, стоявшие на позиции — и других подобных подвигов.

Открылся сыпной тиф и сразу достиг таких размеров, что число имевшихся при армиях госпиталей совершенно не могло удовлетворить потребности в лечении.

Чтобы возможно лучше устроить больных, поддержать энергию медицинского персонала генерал-лейтенант Свечин сам ежедневно посещал больных и наблюдал за отводом новых помещений.

Отводились лучшие дома: в каждой комнате больные размещались, по возможности, на тюфяках, рядами — первый ряд шаг отступя от окон, по одному шагу между больными и по два шага между рядами, пока не заполнялась каждая комната.

Во время своих посещений больных генерал-лейтенант Свечин сам заразился, но, несмотря на увещевание врачей, на появившуюся сыпь и временами бред, генерал оставался на ногах и продолжал руководить всем делом вплоть до вечера 18 февраля, когда наконец была получена телеграмма о подписании мира в Сан-Стефано.

Прочитав телеграмму, генерал-лейтенант Свечин позвал меня и отдал следующее приказание (привожу дословно, так как такие вещи никогда не забываются): «Вы и все офицеры штаба сейчас же садитесь верхом, объезжайте город и объявляйте всем начальникам, офицерам, солдатам и жителям, что мир подписан и врагов больше нет. А я теперь имею право лечь. Сил больше нет». Лег около девяти часов вечера и в час ночи скончался на руках моего старшего брата.

Он был торжественно погребен в

Адрианополе, а затем по высочайшему повелению тело его было перевезено в Россию.

18 февраля был днем восшествия на престол государя императора Александра II. На торжественном богослужении перед молебном старший священник армии обратился к нам со словом, которое начал так:

— На востоке с давних времен существует сказание, что белый медведь восстанет на луну и будет между ними борьба великая, и белый медведь победит луну, и этот белый медведь — это вы все, господа...

Настроение в Адрианополе было беспокойное. Ходили постоянные слухи о предстоящей будто бы резне христиан, что представлялось совершенно невероятным, ибо в городе стояло пять батальонов (17-й Архангелогородский полк³⁰ и два батальона 18-го

---

³⁰ 17-й пехотный Архангелогородский Его Императорского Высочества великого князя Владимира Александровича полк был создан 25 июня 1700 г. как пехотный Алексея Дедюта Архангелогородский полк. После ряда переименований с 22 февраля 1811 г. стал называться Архангелогородским пехотным полком, а с 11 февраля 1908 г. ему было даровано шэфство великого князя Владимира Александровича. В 1914 г. входил в 5-ю пехотную дивизию.

Вологодского полка³¹). Тем не менее слухи не утихали.

Дело дошло до того, что в один из вечеров Страстной недели к генерал-губернатору прискакал верхом помощник Адрианопольского полицмейстера, поручик 12-го стрелкового батальона,³² и доложил, что вокзал атакован и захвачен, и что когда он скакал через мост предместья Карагач, шел такой ружейный огонь, какого он ни разу не слышал за весь первый Забалканский поход.

Удивленный генерал-губернатор барон Деллингсгаузен тотчас приказал вызвать по

---

³¹ 18-й пехотный Вологодский Его Величества Карла I короля Румынского полк был сформирован 16 мая 1803 г. как Вологодский мушкетерский. После нескольких переименований 18 июля 1898 г. уже как 18-й пехотный Вологодский полк получил шефство короля Румынии. В 1914 г. находился в 5-й пехотной дивизии.

³² 12-й стрелковый батальон был создан 7 января 1834 г. как Гренадерский стрелковый, переименованный 28 декабря 1847 г. в Резервный стрелковый батальон. 6 декабря 1856 г. был назван 12-м армейским стрелковым батальоном, 31 декабря 1888 г. переформирован в двухбатальонный 12-й стрелковый полк (входил в 3-ю стрелковую бригаду, позднее дивизию).

тревоге два батальона для направления к станции и поседлать состоявшую при штабе сотню 34-го Донского казачьего полка.³³ Но прежде чем батальоны успели выступить, с вокзала прибыл урядник с запиской от генерал-лейтенанта Горшкова, проведенного перед тем весь день у генерал-губернатора:

— Успокойтесь, дорогой барон, к вам поскакал какой-то сумасшедший болван. Здесь произошла глупая паника, я всех обругал и сейчас все спокойно.

Было произведено тщательное расследование, которое, однако, выяснило лишь одно: действительно произошла паника, но кем и чем вызванная — установить не удалось.

Часовой караул на одном из фортов показал, что к форту подходила группа людей, которая на его трижды повторенный окрик «стой, кто идет», не остановилась. Тогда он выстрелил. В ответ на его выстрел последовал залп со стороны подходивших людей, которые затем разбежались.

На самой же станции, где происходила посадка больных и раненых в санитарный поезд, вдруг поднялась суета, все, кто только мог,

---

³³ 34-й Донской казачий полк был создан в качестве второочередного 23 марта 1888 г.

бросились в вагоны и поезд самовольно отошел, но потом вернулся.

Так и пришлось это дело предать забвению. Только поручик был отчислен от должности помощника полицеймейстера и отправлен в батальон.

В эту же пору генерал-губернатору стали поступать донесения об отходе наших войск от Демотики, о восстании жителей в Родопских горах и, наконец, о переходе наших войск на левый берег реки Арды, причем о потерях никто не доносил.

Тогда барон Деллингсгаузен поручил мне объехать край и донести, что там действительно происходит.

Прибыв в Мустафу-Пашу, в район 9-го уланского Бугского полка, ³⁴ я предъявил командиру полка свои документы, взял в конвой взвод улан и выступил в долину реки Арды к Родопским горам.

Глазам нашим представилась следующая картина: наиболее богатейший край был совершенно брошен — жители, зарезав скот, ушли в горы, и в

---

³⁴ 9-й уланский Бугский полк имел непростую историю. Только 28 ноября 1857 г. он получил наименование Бугского уланского генерала от кавалерии Сиверса полка, а затем 22 июня 1912 г. стал 9-м уланским Бугским.

течение двух дней мы не встретили ни одной живой души и не могли ничего достать поесть. Люди довольствовались сухарями, а командир взвода и я бисквитами Альбера, коробки коих по счастью оказалась у меня во вьюке.

На третий день мы достигли района 30-го Донского казачьего полка.³⁵

Полк уже много дней стоял, не расседывая лошадей, в ожидании внезапного нападения. Но на чем были основаны подобные опасения, командующий полком, войсковой старшина Грузинов, ясно объяснить не мог.

Кругом царило такое же разорение и полное отсутствие жителей.

Отпустив улан, я остался при 30-м Донском полку с тем, чтобы на утро продолжать объезд. Вместо конвоя полковой старшина Грузинов пожелал сам выступить со мною с двумя сотнями.

При дальнейшем продвижении картина представилась та же — жители бежали, но богатейшие села были менее разорены. Походя к деревне Пепсолан, мы были встречены ружейными выстрелами, по горам, по обе стороны дороги виднелись группы людей, некоторые из них в

---

³⁵ 30-й Донской казачий полк сформирован как второочередной 23 марта 1888 г.

турецких мундирах, и хотя людей было едва видно глазом, пули свистели высоко над головами, и пришлось сделать вывод о том, что перед нами мелкие остатки разбежавшейся армии Сулеймана-паши.

Одна из сотен была спешена, рассыпана в цепь и, открыв огонь, быстро начала наступать.

После первых же наших выстрелов, люди на высотах разбежались и исчезли бесследно, мы прошли ущелье без всяких потерь и в следующей деревне стали на ночлег.

Пока войсковой старшина Грузинов отдавал свои распоряжения, я написал донесение начальнику штаба корпуса так, как здесь изложено это столкновение, и в конце добавил — потерь никаких.

Вошел войсковой старшина Грузинов. Я прочел ему свое донесение.

— Помилуйте, да разве так можно? Ведь подумают, что ничего не было.

— Да ведь и на самом деле так ничего не было, — ответил я.

— Все же надо расписать, что казаки, под огнем противника наступали с беззаветной храбростью...

Он был очень огорчен, когда я предложил ему послать отдельное донесение, а мое пойдет такое как есть.

К моему великому удивлению на обед подали борщ с курицей. Где они ухитрились ее достать — это их секрет.

К вечеру этого дня удалось, наконец, задержать одного турка — местного жителя, который, успокоенный обещанием, что после показания он будет сейчас же отпущен, рассказал следующее:

— Когда пришли войска, все стали брать и платили за все, а потом стали брать без денег, а если мы не давали, грозили нагайкой, забрали даже то, что у нас было зарыто на семена. Тогда мы бежали в горы.

Я его действительно отпустил и поручил передать всем, чтобы возвращались в свои дома, их никто больше не тронет и, если они честно покажут свои убытки, то таковые им будут уплачены.

По возвращении в Адрианополь я представил подробный доклад, в котором указал, что необходимо запретить дальнейшие боевые действия, успокоить население, уплатив ему за насильно забранное у него, и тогда жители вернутся в свои села и восстание само собой затихнет.

Генерал-губернатор одобрил доклад. 9-й уланский Бугский и 30-й Донской казачий полки были выведены из этого района, а на их место, в район Родопских гор, был двинут отдельный отряд из двух батальонов пехоты и 9-го драгунского

Казанского полка³⁶ под начальством полковника Тимирязева. Я был назначен в его распоряжение и нес обязанности начальника штаба отряда.

Штаб отряда и два эскадрона были расквартированы в селении Инджекией, остальные эскадроны и роты по соседним деревням.

Замирение края пошло чрезвычайно быстро, жители тотчас же вернулись по своим селам и зажили нормальной жизнью. Красота и богатство края поражало. Большинство сел со смешанным населением были расположены по обоим берегам многочисленных речек — по одному берегу турецкое, по другому — болгарское.

Взаимные отношения жителей были самые близкие, честность и доверие полное. Когда за время войны приходилось бежать, болгарам они все свое достояние до денег включительно несли и отдавали туркам. Когда же наступал черед бежать туркам — они с такой же верой сдавали все болгарам. Каковым было богатство края, могут свидетельствовать следующие факты: когда мы

---

³⁶ 9-й драгунский Казанский Его Императорского Высочества великой княжны Марии Николаевны полк был создан 15 июня 1701 г. как Драгунский полковника Зыбина полк. После многочисленных переименований и реформирований 14 июля 1912 г. полк получил свои окончательные название и шефство.

стали устраивать хлебопечение, жители села Инджекией предложили поставлять хлеб в готовом виде.

Когда им на это сказали, что ведь на два эскадрона и на штаб нам потребуется по 300 ок (око — 3 фунта) хлеба в день, они ответили: «Так что же, триста ок и будем поставлять». И село в сто десять дворов, дважды ограбленное, исправно поставляло это количество хлеба в течение двух месяцев.

Труднее было со скотом. На предложение продать скот жители уверяли, что у них нет скота, что часть его погибла, другая была захвачена войсками. Когда же им было объявлено, что мы все равно должны взять скот по реквизиции, с платой за него по установленной главнокомандующим таксе, то они взмолились: «Только не берите у тех, у кого меньше пяти голов». Таких хозяев в огромном селе Курашлы (260 дворов) оказалось всего шесть.

Когда жители окончательно привыкли к нам, то объяснили, что весь скот и другое ценное достояние были ими припрятаны в горах.

Стояли совершенно спокойно, и только раз случилась тревога в роте, стоявшей в селе Кадыкией в четырех верстах от штаба. Ночью мы были разбужены ружейной перестрелкой, которая все усиливалась, мы тотчас выехали в Кадыкией.

Но когда подъезжали, в деревне огонь затих и

ротный командир доложил, что первые выстрелы были сделаны часовыми. Моментально из домов стали выбегать люди и в черной тьме стреляли куда попало. С трудом удалось их собрать на горке за деревней и водворить порядок. По счастью, никто не был даже ранен, несмотря на то, что перестрелка продолжалась минут 20. Рота была строго наказана, командир смещен.

Пока все это разобрали, рассвело, и я решил проехать на стоявший в пяти верстах к югу в деревне Кавак-Махалесси драгунский пост.

Старший на посту подошел с рапортом и доложил: на посту несчастье. Едва стало светать, как часовой заметил, что в кустах на расстоянии дальнего ружейного выстрела проезжала группа всадников (человек пятнадцать). По знаку часового к нему подошел взводный вахмистр. В это время всадники на ходу дали залп по часовому. Часовой был убит, подошедшей к нему взводный тяжело ранен в живот.

Недаром говорят — от судьбы не уйдешь. Там, в Кедыкие, целая рота, метаясь в темноте по селу, стреляла куда попало и никто даже не был задет. А тут по посту дали залп на ходу, с предельного может быть расстояния, и оба находящиеся на посту были убиты (взводный вахмистр к вечеру того же дня скончался).

Условия жизни были нелегкие: жили мы

тесно, спали на полу, так как походных кроватей не было, огонь разводили тут же на земляном полу, дым уходил в большую дыру в крыше, потолка не было.

Но красота кругом и наступившая весна все скрашивали. Да и в пище и табаке недостатка не было, притом дешевизна была необычайная, например за пару цыплят брали шесть галаган, это наш двугривенный.

Помню, как мы раз сидели на завалинке и беседовали с нашим хозяином. Полковой адъютант князь Шаховской скрутил папиросу из отличного табаку Книдже, за око которого в Адрианополе он заплатил три лиры и предложил хозяину. Тот раза два затянулся, сказал: «хорошо, но подожди», побежал в хату и вернулся с пачкой табачных листьев в руке, доской и коротким широким ножом, крепко сдавил листья в ладони левой руки, нарезал их тонкими слоями, скрутил папиросу и, подавая ее Шаховскому, сказал: «Спии теи». И, несмотря на грубость резки, Шаховской признался, что этот табак еще лучше его Книдже.

В одной из разведок мой конь, англо-донец, отличавшийся своей смелостью и выносливостью, при поисках в сплошном дубняке порезал ногу настолько сильно, что с большим трудом удалось довести его до нашей деревни. При обследовании выявился разрез до кости у самого венчика.

Ветеринар признал лошадь пропавшей, что меня глубоко огорчило, тем более что у меня кроме нее были только две маленькие местной породы лошадки, обе хорошие, но совершенно не соответствовавшие моему росту.

Я позвал нашего хозяина и просил его уступить мне часть его луга, на котором могла бы пастись моя лошадь и сказать, сколько это стоит. Подумав, он назначил цену в два рубля и когда я на нее согласился, добавил, что пока лошадь не может двигаться, он в ту же цену будет давать подводу для подвоза травы. С грустью ходил я навещать моего коня, не становившегося совершенно на больную ногу. Раз застал около него старого вахмистра третьего эскадрона, который мне доложил:

— Я осмотрел ногу, очень тяжелый порез. Ветеринар считает лошадь пропавшей, а я смогу ее вылечить, доверьтесь старому вахмистру и нашему народному средству.

И тут же назвал это средство. Я просто остолбенел и ни за что не соглашался. Но он настоятельно просил, уверяя, что ручается за излечение. Я сдался.

Назвать это средство я прямо не могу, скажу только, что оно состояло из совершенно необычайно горячих припарок с солью и через три недели рана зажила, лошадь выздоровела и я на ней ездил еще в течение двух лет, а продал ее в

Константинополе только из-за трудности содержания.

Жизнь с отрядом внезапно порвалась.

В начале мая 1878 года меня вызвали в Сан-Стефано в штаб главнокомандующего, где высочайшим приказом 22 мая 1976 года я был назначен штаб-офицером над вожатыми с переводом в Генеральный штаб капитаном. Только в Сан-Стефано, впервые за время войны, мне удалось свидеться с родным полком.

Полк стоял биваком при деревне Нифес и, как и все прочие полки, переживал тяжелую эпидемию сыпного тифа. Число больных доходило до 1500–1800 человек на каждый полк. Болело и много офицеров. Эпидемия прекратилась лишь когда просохли все болота бывших рисовых полей и наступило жаркое лето.

Итоги вспышки выразились в том, что в ближайшем к Константинополю районе и далее к югу до городов Родосто и Силиври, на берегу Мраморного моря, мы оставили 37 кладбищ. Несколько лет спустя, в девяностых годах, в Сан-Стефано была сооружена часовня, в фундамент которой были замурованы все кости погребенных на этих кладбищах.

Во второй половине января 1878 года наши главные силы двинулись двумя группами: одна, под личным предводительством главнокомандующего

великого князя Николая Николаевича, — на Константинополь, другая, под командой генерал-адъютанта Гурко, — на Галлиполи.

Обе группы в начале февраля были остановлены: первая в 18 верстах от Константинополя, вторая в 30 верстах от Галлиполи.

Понимая все значение взятия Галлиполи — ключа Дарданелл, генерал-адъютант Гурко шел без остановки, несмотря на утомление войск, дважды скрыл полученное приказание остановиться и только по третьему категорическому приказу остановил свои войска в 30 верстах от Галлиполи.

Последовало перемирие, и 18 февраля между нами и Турцией был подписан Сан-Стефанский мирный договор, но его условия, по настоянию великих держав, были вынесены на рассмотрение международного конгресса в Берлине.

Армия, победоносно преодолевшая среди суровой зимы твердыни Балкан, уничтожившая армию Сулеймана-паши, взявшая в плен армии Османа-паши и Бесселя-паши и уже подходившая к заветной цели русского народа — взятию Царьграда и водворению вновь святого Креста на куполе Святой Софии, была неожиданно остановлена под стенами Константинополя и вынуждена ожидать решения Берлинского конгресса.

Армия недоумевала, а турки были настолько уверены в утрате Константинополя, что ко времени подхода нашей армии к Сан-Стефано уже была намечена новая столица Оттоманской империи — г. Брусса на азиатском берегу. Гарем и все ценное имущество султана стояли погруженными на две султанские яхты в ожидании приказа об отплытии в Бруссу.

В самом Константинополе был создан наряд полиции для встречи наших войск и разведения их по квартирам во избежание столкновения между жителями и войсками.

Вопрос, почему в 1878 году мы не заняли Константинополь, остается открытым до сих пор.

Еще менее ясно, почему не было дозволено генерал-адъютанту Гурко занять Галлиполи. Если бы Галлиполи ко дню открытия Берлинского конгресса был наш, английский флот, явившийся в Константинополь в числе семи броненосцев для защиты столицы, был бы заперт там, да и условия Берлинского трактата были бы совсем иные.

22 мая 1878 года состоялось Высочайшее повеление о назначении в распоряжение посла в Константинополе князя Лобанова-Ростовского, военной миссии в составе свиты Его Величества генерал-майора Бобрикова, капитана Протопопова и меня. Затем в Константинополь прибыли: Генерального штаба генерал-майоры Стебницкий и

Зеленый, полковники флигель-адъютант Боголюбов и Филиппов и подполковник Шнеур для участия в проведении новых границ между Турцией и Россией в Малой Азии, между Турцией, Сербией и Болгарией, между Болгарией и Восточной Румелией, между последней и Турцией — на Балканском полуострове.

Число уполномоченных от прочих держав, подписавших Берлинский трактат, было еще значительнее. Константинополь кишел иностранными уполномоченными. Не было недостатка и в добровольных радетелях о спасении Оттоманской империи с венгерцем Клапкой во главе (главой восстания венгров в 1848 году), представлявших султану самые фантастические проекты.

Первые месяцы после войны наибольшее влияние на самого султана и его министров имел английский посол Лайярд, сам убежденный туркофил, кроме того, вдохновляемый главой английского кабинета лордом Бигонсфильдом и еще более сэром Эльджерноном Бортвиком, собственником и редактором торийского органа газеты «Морнинг-Пост», дважды приезжавшего в Константинополь и оба раза приветливо принятого султаном.

Мы, военные, конечно, ближе всего сходились с военными комиссарами, при чем сразу

обозначилась двойственность отношений между нами и иностранцами.

В частной жизни все они, особенно англичане, охотнее всего общались с нами, часто проводили с нами вечера. В заседаниях же комиссий при обсуждении вопросов, от важных до мелочей, все дружно шли против нас, и соглашения достигались с большим трудом и проволочкой времени.

Турецкое правительство явно благоволило иностранцам, искало у них поддержки. Население столицы, особенно турки, относилось к нам доброжелательно, а бывшие у нас в плену офицеры и солдаты дружелюбно высказывали благодарность за доброе к ним отношение в России.

Симпатии военнопленных к нам высказывались настолько ярко, что последовало распоряжение немедленно всех бывших в плену в России уволить в запас, выдав каждому в счет жалования по меднидие, то есть по 20 пиастров (тогда на наши деньги — около рубля восьмидесяти копеек).

Жалованье войска не получали уже несколько лет, причем офицеры, в зависимости от чинов, получали натурой двойной или выше солдатский паек, а семьям офицеров выплачивались деньги: четвертая часть жалованья, причитавшегося главе семьи. И только раз в году, когда наступал праздник Байрама, всем состоявшим на

правительственной службе выдавался месячный оклад полностью.

Когда состоялось увольнение военнопленных в запас, многие из них стали приходить к нашему генеральному консулу, иногда собираясь целыми толпами во дворе генерального консульства, и просить его ходатайства, чтобы им было выдано все заработанное за время их служения.

Оригинальную картину представляло расположение нашей армии под Константинополем.

Впереди всех войск, на берегу Мраморного моря, в Сан-Стефано, стоял штаб главнокомандующего, отделенный от турецких войск лишь сторожевым охранением, причем линии охранений обеих сторон местами сходились.

Отступая несколько верст, стояли биваками войска Гвардии и дальше 8-го и Гренадерского корпусов. Так что, направляясь в войска, приходилось проезжать через мост, на одном конце которого стоял наш караул, на другом турецкий, и часовые обоих караулов отдавали честь.

Жизнь в Сан-Стефано тянулась крайне однообразно. Все свободное время проводилось или в театральном ресторане, или в купальне, а вечерами шли в театр или в сады «Конкордия» и «Боскет».

Сад «Конкордия» представлял собой кафе-шантан, в котором играл отличный в оркестр

из Вены и выступали шансоньетные певицы, за вход платили франк.

Сад был постоянно переполнен военными, среди которых появлялись дамы из артистического мира, но большого оживления не замечалось. Только под конец выдался один особенно оживленный вечер.

В середине августа 1878 года началась посадка войск на суда для отправления в Россию.

В Сан-Стефано прибыл командир 8-го корпуса, всеми чтимый и любимый защитник Шипки Федор Федорович Радецкий. После обеда у главнокомандующего, когда мы все его окружили, Федор Федорович, побеседовав с нами, сказал:

— Идемте в «Конкордию».

Сад был переполнен, и Федор Федорович, сев в середине первого ряда, подпевал артисткам и каждой подносил букет. Последние недели две на афише стало появляться имя артистки Фанни, печатавшееся крупными буквами, и в эти дни взималась двойная плата за вход. Но когда подходила ее очередь петь, выходил господин во фраке и извинялся, что она по болезни выйти не может. Обычно офицеры добродушно относились к этому, и Фанни продолжала оставаться мифической личностью.

Но в этот вечер расшалившееся офицерство, выслушав обычное заявление, не удовлетворилось

им и начало громко вызывать: «Фанни, Фанни!» Напрасно хотели продолжать представление, вызовы не умолкали. Вдруг поднялся комендант главной квартиры и громко заявил:

— Господа, удостоверяю, что Фанни действительно больна.

В ответ раздались неистовые аплодисменты и крики. Взбешенный комендант приказал закрыть сад. На это все в один голос: «Деньги назад!» Комендант стушевался и все оставались в саду до полуночи, когда за генералом Радецким пришел катер с «Москвы», и его торжественно, с факелами проводили на пристань, а оттуда на лодках до самого крейсера.

В опере тогда с успехом подвизалась молодая певица Рая Лари, настоящая фамилия которой была Котович.

Когда офицеры узнали, что у нее не хватает средств на окончание музыкального образования в Италии, сделали подписку, и на ее бенефис вместо обычных цветов и подарков ей поднесли деревянную, круглую, лукутинской работы чашу, горой наполненную полуимпериалями.

Но лучшее удовольствие заключалось в купании в Мраморном море. Песчаный грунт, температура воды уже в мае до 18 градусов, а в середине лета до 22, бывало, не наплаваешься.

И летом же 1878 года, когда наша армия еще

стояла под Константинополем, английский посол Лайард подал султану меморандум, в котором, высказывая готовность Англии прийти Турции на помощь в ее тяжелом положении, между прочим указал, что обеднение Турции во многом зависит от обеднения ее малоазийских владений, когда-то богатейших в мире земель, а ныне запустевших, страдающих от отсутствия твердой власти на местах и благоустроенных путей сообщения, от разбоев, ставших постоянным явлением в этих благословенных землях. Чтобы восстановить там порядок и производительность, Англия согласна дать необходимые денежные средства на проведение железнодорожного пути от начального пункта турецких железных дорог на берегу Малой Азии — города Конии — на Багдад и до Персидского залива. Другой путь от той же Конии — в северном направлении на Амассию-Эрзерум. Для возможности же доведения постройки этих линий до благополучного конца и безопасности их эксплуатации, турецкое правительство должно уступить в пользование общества, которое будет строить дорогу, полосу земли в сто километров ширины вдоль всего пути, с правом строить блокгаузы, где признает нужным содержать в них гарнизоны и дать право на разработку недр земли во всей отчуждаемой полосе.

Как ни печально было денежное положение

Турции, все же султан от столь любезной помощи уклонился.

Другими добровольными спасителями Турции явились так называемые бонд-хульдеры, то есть владельцы долговых обязательств турецкого правительства.

Парижским трактатом 1856 года Турецкая империя была включена в сонм великих держав. Но это включение счастья ей не принесло. Турция, соблазненная легкостью предлагаемого ей кредита, быстро «залезла» в долги. К концу царствования Абдул-Азиса, в семидесятых годах, внешний государственный долг Турции превысил 4 миллиарда франков, платеж процентов и погашение по займам стали государству не под силу, Турция оказалась банкротом и продолжала платить проценты лишь по тем займам, которые были сделаны под поручительства французского или английского правительств, платежи же по всем остальным займам просто отсрочивались и значились в бюджете под рубрикой «отложенных».

Несмотря на такое неблагоприятное положение, весной 1878 года в Константинополь прибыл представитель бондхульдеров виконт де Токвилль со следующим предложением: все одновременно заключенные Турцией займы сводятся в один, по которому Турция впредь будет выплачивать полтора процента в год, причем один

процент будет считаться как процент, а полпроцента повышением суммы займа.

Сверх того, чтобы Турция снова могла дать правильный ход своему государственному развитию, ей будет выдан новый заем в 500 миллионов франков.

Все переговоры по этой сделке велись так секретно, что ничего не проникло вне среды заинтересованных лиц.

К счастью, накануне того дня, когда оставалось лишь подписать условие, князь Лобанов узнал о сделке и тотчас вручил Порте ноту, в которой напомнил, что по Берлинскому трактату Порты обязана по получении нового займа прежде всего уплатить нам военный долг 300 миллионов рублей, за которым трактатом обеспечен приоритет перед всеми другими платежами и расходами.

Как только стало известно содержание этой ноты, из Парижа и Лондона были присланы телеграммы: «Ничего не подписывать». Сделка расстроилась. Но скоро преобладающее влияние Англии и Франции стало меркнуть. Император Вильгельм сумел приобрести доверие султана Абдул-Гамида сперва присылкою помощника по управлению финансами и таможенниками с целюю сериею чиновников, успевших навести некоторый порядок в управлении финансами.

Одновременно прибыла германская военная

миссия с генералом фон дер Гольцем во главе, состоявшая из полковников: Рюстова (артиллерист), фон Лобе (кавалерист), полковника инженера, фамилия которого ускользнула у меня из памяти. Эта комиссия при содействии подчиненных ей инструкторов приступила к реорганизации турецкой армии по германскому образцу. Вслед за тем германское общество получило концессию на постройку Багдадской железной дороги и с успехом выполнило ее, вложив в это дело огромные капиталы.

В девяностых годах император Вильгельм совершил свое знаменитое путешествие в Палестину, на обратном пути прибыл в Константинополь с Викторией-Августой, где они были торжественно приняты султаном.

При помощи грамотного подбора послов германское влияние в Константинополе продолжало крепнуть, и к началу мировой войны германский посол Вангенгейм являлся почти полновластным хозяином в Константинополе.

С конца лета 1876 года в печати начали появляться слухи об албанской лиге, желавшей отделения Албании от Турции. Маршал Мегмет-Али при проезде в горных проходах Албании подвергся внезапному нападению восставших и был убит со всем составом посольства. В Константинополе тогда сложилось

убеждение, что и нападение, и убийство Мегмет-Али произошли с ведома и согласия Абдул-Гамида, опасавшегося влияния маршала на войска и население столицы.

С самого первого дня покушения младотурок во главе с Али-Суави летом 1878 года, желавших освободить низложенного в 1876 году султана Мурада, брата Абдул-Гамида, последний окончательно поселился не в большом дворце Дольми-Бахче, резиденции Абдул-Азиса, а в его бывшем охотничьем доме Альдыз-Киоске, окружил себя отрядом из двенадцати стрелковых батальонов, вызванных из Малой Азии, державших кругом дворца сплошную боевую цепь, спал одетым на мендере, имея при себе револьвер, никогда никуда не выезжал, кроме как по пятницам на селямлик в Чераганскую мечеть, что уже по Корану он избежать не мог.

Слухи об албанской лиге, согласно газетам, все росли, теперь уже говорили о ее численности в 150 тысяч человек.

Тогда князь Лобанов поручил мне осмотреть и наметить будущую границу Восточной Румелии с Македонией, по пути заехать в Филиппополь к императорскому комиссару в Болгарии князю Дондукову-Корсакову с просьбой выдать мне открытый лист на право требования конвоя при объезде будущих границ между Восточной

Румелии с Сербией и Восточной Румелии с Македонией. Предварительное намечание этих границ было для нас особенно важно, так как иностранцы хотели свести вопрос о границе с Македонией на нет под предлогом, что незачем проводить точную границу между Турцией и ее же автономной провинцией.

Сверх того, князь Лобанов дал мне письмо Дондукову-Корсакову, причем сказал:

— Вручите письмо лично и скажите князю, что хотя я знаю, насколько он занят, но все же прошу прочесть письмо и дать словесный ответ через вас, ибо вам содержание письма известно.

Прибыв в Филиппополь, я был тотчас же принят императорским комиссаром, доложил о возложенном на меня поручении по осмотру границ и вручил письмо, передав пословно сказанное послем. Князь Дондуков ответил:

— Хорошо, все будет сделано.

От императорского комиссара я прошел к его начальнику канцелярии генерал-лейтенанту Домонтовичу, который тотчас же снабдил меня всеми необходимыми документами и, кроме того, дал переводчика — болгарина-македонца Ангела Сукачева, оказавшегося незаменимым человеком по превосходному знанию местности в районе намеченных границ, неутомимым и умелым.

Когда же разговор зашел об албанской лиге,

Домонтович сказал:

— Албанская лига — пустяки, все сведения о ней сильно раздуты, а вот македонская лига — дело другое.

Заметив мое удивление, он добавил:

— Македонская лига — дело серьезное. Во главе ее стоит македонский комитет, членами которого мы все являемся и главная цель которого — не допустить на местах исполнения постановления Берлинского конгресса.

Напрасно я ему напомнил, что государь император признал постановления конгресса и подписал их, Домонтович продолжал горячо говорить и окончил словами:

— Да что говорить. Поживите у нас день-другой и сами увидите, а теперь идемте обедать.

В шатре-столовой я сразу очутился среди группы близко знакомых по Петербургу офицеров, все обступили, расспрашивали, потом поинтересовались:

— Ты, конечно, будешь на концерте в пользу македонского комитета?

На заявление, что я ничего о концерте не знаю, мне тотчас же вручили билет и обещали вечером отвести меня туда.

В семь вечера мы были на месте. Довольно большой зал кафе-шантана был битком набит

офицерами, болгар было мало, так как цена билета в половину турецкой лиры была для местных непомерно высока.

На сцене играл, как и во всех тогда кафе-шантанах, женский струнный оркестр, были и исполнительницы — шансоньетки, которым вся аудитория подпевала, в различных группах произносились речи, шли оживленные споры, после которых неизменно требовался гимн, все вставали и пели под звуки оркестра. Главная тема речей: процветание целокупной Болгарии так, как оно была намечено Сан-Стефанским договором, за освобождение Македонии из-под турецкого ига.

Трудно было устоять перед общим задором, но в то же время я не мог не сознавать, что происходит что-то совершенно несхожее с решениями, принятыми в Петербурге.

На другое утро, перед отъездом в Софию, я зашел к генералу Домонтовичу, рассказал ему все, чему был очевидцем и предупредил, что командированный послом, я не могу ничего от него скрыть и обязан доложить и о македонской лиге, и о македонском комитете, и знаю наперед, что посол не сможет допустить дальнейшего существования лиги и сообщит обо всем в Петербург.

Только я успел прибыть в Софию и представиться начальнику гарнизона, барону Николаю Егоровичу Мейкендорфу, как явился

посланный от митрополита Климента с просьбой зайти к нему. Едва я успел войти к владыке, как Его Преосвященство, благословив меня, взял мою руку и сказал:

— Вы — царский капитан, конечно, с нами и должны помочь нам в нашем деле. Так как вы приехали от посла, то вас наверно послушают, и потому мы просим повлиять на военное начальство, чтобы оно распорядилось передать винтовки и патроны двух стоящих тут полков в распоряжение поручика Калмыкова для вооружения своих комададжиев и выступления в Македонию.

Отставной поручик Калмыков — председатель македонского комитета, тот самый, который несколько лет спустя участвовал в экспедиции в Абиссинии.

Напрасно разъяснял я владыке, что все это надо прекратить, вопрос о Болгарии и Восточной Румелии решен бесповоротно и Берлинский трактат государем ратификован, он продолжал настаивать на своем:

— Это вы только так говорите официально, на самом деле и посол, и вы готовы нам помогать.

Так и не удалось переубедить владыку. Но барону Мейкендорфу я объяснил подробно действительное положение вещей, и тот пообещал использовать все свое влияние для того, чтобы не допустить поручика Калмыкова до активных

действий.

В Радомире я застал командира 4-го уланского Харьковского полка ³⁷ полковника Эртеля в горячей беседе с посланцем Калмыкова, отставным поручиком Маткевичем, который предполагал в одну из ближайших ночей двинуться вперед и внезапным нападением захватить турецкий пограничный пост. Как объяснил мне полковник Эртель, он помогал подпоручику Маткевичу выработать план самого нападения. Взяв имевшуюся у меня карту, я показал Эртелю, что в данном районе граница для Сербии намечена очень выгодно и весь участок, занимаемый турецким сторожевым постом, сам собой отойдет к Сербии. Кроме того, мир окончательно подписан, и за какие-либо боевые действия придется строго отвечать.

От Радомира я уже следовал верхом на Костендиль, Дубницу, Бабаново, где, наняв конвой

---

³⁷ 4-й уланский Харьковский полк являлся одним из старейших полков русской регулярной кавалерии. Свое начало он вел от Харьковского слободского черкасского казачьего полка, сформированного 5 сентября 1651 г. После многих переименований и реорганизаций полк 6 декабря 1907 г. получил свое историческое название.

от 4-го гусарского Мариупольского полка, 38 вступил в район Родопских гор и с вершины перевала Валево-Верх видел дивную панораму Македонии.

Характер гор был настолько дикий и труднодоступный, что наши лошади даже в поводу с трудом карабкались по отрогам.

После двухдневного передвижения по хребту, набросав кроки главных перевалов, я спросил переводчика Сукачева, где можно поблизости стать на ночлег. Он указал на стоявший вблизи самый древний и чтимый болгарский Рыльский монастырь.

Монастырь расположен на высоте 5500 футов над уровнем моря у верховьев водопада, ниспадающего с окрестных скал, образующего реку Рыльскую, впадающую в реку Арду, приток Марицы. Монастырь существует свыше тысячи лет и, несмотря на его отдаленность, ежегодно посещается тысячами богомольцев. В нем покоится часть мощей Иоанна Рыльского, другая часть

---

38 4-й гусарский Мариупольский генерал-фельдмаршала Витгенштейна полк был образован 16 июня 1834 г. из двух полков: Гусарского фельдмаршала графа Витгенштейна и Дерптского конно-егерского. Окончательно свое шефство получил 6 декабря 1906 г.

которых находится в России.

В то время в монастыре было около сорока монахов и послушников. Игумен монастыря окончил курс в Киевской духовной академии и свободно говорил по-русски.

Монахи с игуменом в главе встретили нас колокольным звоном. Благословив, игумен провел нас в церковь, отслужил краткий молебен и затем отвел в предоставленное нам помещение.

Встретили нас не только почетно, но и братски тепло, кормили, поили и всячески старалась показать нам свое сердечное расположение. Многие монахи и послушники свободно говорили по-русски и щеголяли друг перед другом знанием русской истории. Были такие, которые наизусть, без единой запинки, рассказывали всю нашу удельную систему.

Два дня, проведенные в монастыре, не только принесли нам необходимый отдых, но и оставили навсегда самое светлое воспоминание.

По счастливой случайности в монастыре оказался фотограф, и мне удалось сохранить фотографию обители.

На обратном пути я вновь посетил в Радомире командира 4-го уланского Харьковского полка и застал его разгневанным на подпоручика Маткевича.

Оказалось, что несмотря на мое

предупреждение, полковник Эртель все же допустил ночное нападение на турецкий пост.

Вместо того чтобы тихо подкрасться к посту, комитаджии шли с песнями, размахивали винтовками, а те, у кого были патроны, стреляли вверх, так что, когда они приблизились к посту, то турки их встретили словами: «Ну, подходи, комитетская сволочь», а затем открыли по ним частый огонь.

Разумеется, все разбежались, а полковник Эртель на другое утро получил письмо от начальника поста такого содержания: «Я был у тебя, ты был у меня. Мы вместе курили и пили кофе, и я был уверен, что между нами мир окончательный. И я не мог даже подумать, что после этого, ты, русский офицер, допустишь нападение на нас».

Вот это письмо и привело Эртеля в неистовое бешенство, и он всю свою злобу вымещал на несчастном Маткевиче.

Не знаю, до чего бы дошло, если бы я не вошел в комнату. Увидев меня, полковник Эртель начал мне с жаром все рассказывать, возмущаясь тем, как смел ему так написать турецкий офицер.

Я напомнил, какое важное значение придают магометане такому обмену посещениями и закончил словами:

— Извините, но я должен сказать, что вы один

во всем виноваты, и я бы на вашем месте загладил свою вину, послав кого-нибудь извиниться перед начальником поста и вновь пригласить его к себе.

Затем, прочитав телеграмму посла, вызывавшую меня безотлагательно в Константинополь, я попросил лошадей и тотчас же выехал на Софию — Филиппополь — Константинополь.

По возвращении в Константинополь я представил послу подробный отчет о всем виденном мною в Филиппополе и при дальнейшем пути к Македонской границе.

Князь Лобанов был поражен и тотчас же доложил обо всем в Петербург. Это была высочайшая телеграмма на имя главнокомандующего генерал-адъютанта Тотлебена: «Удивляюсь, что ты не знаешь, что творится у тебя под боком, подчиняю тебе временно князя Дондукова-Корсакова и повелеваю прекратить все эти затеи».

Вслед затем в Филиппополь и Софию прибыл генерал-адъютант Обручев и торжественно в соборах с амвона прочитал высочайший манифест к болгарам о необходимости подчиниться постановлениям Берлинского конгресса.

В течение второй половины 1878 и первой половины 1878 годов сперва в Константинополе, потом на местах работали комиссии по проведению

новых границ и к осени 1878 года благополучно завершили работу.

В Филиппополе же заседала комиссия, вырабатывавшая Органический статут для Восточной Румелии.

По статье 61 Берлинского трактата должны были быть созданы из оставшейся под турецкой властью части Румелии (то есть европейских владений Турции) две автономные провинции: Восточная и Западная Румелии. К образованию Восточной Румелии приступили тотчас же, а Западная Румелия, главным образом Македония, так навсегда и осталась лишь в проекте.

К счастью для болгар пределы автономии будущей Восточной Румелии были довольно точно определены Берлинским трактатом и урезать их не представлялось возможным. Поэтому все усилия иностранных комиссаров были направлены к тому, чтобы обеспечить влияние на ход дел так называемым *minorités* (меньшинствам), то есть туркам и грекам.

Население Восточной Румелии состояло главным образом из трех народностей: болгар, турок и греков.

Произведенные нашим гражданским управлением исчисление населения дало следующие приблизительные цифры: болгар от 850 тысяч до 1 миллиона, турок от 350 до 450 тысяч и

греков от 40 до 60 тысяч. Приступая к работе, комиссары порешили, что каждый возьмет на себя разработку одного из отделов Статута, и затем уже выработанные проекты окончательно обсудят в полном составе комиссии.

И в этой комиссии особенно ярко высказалось стремление свести на нет наше влияние в крае и для этого всеми мерами устранить болгарское население от влияния на ход дел. Но судьба решила иначе.

Английский комиссар сэр Дремонд-Вольф настоял, чтобы ему было поручено составление отдельного управления краем, и когда его стремление было уважено, тут же просил нашего старшего комиссара флигель-адъютанта полковника А. А. Шепелева о сообщении комиссии имеющихся у нас данных о численности населения.

Шепелев представил вышеуказанные цифры, оговорив, что это не точная перепись, а лишь приблизительные исчисления.

Так как из всех заседаний комиссии решающим по своему значению явилось заседание, в котором был принят разработанный Дремонд-Вольфом отдел управления провинцией, то я и остановлюсь на нем подробнее.

Дремонд-Вольф начал свой доклад следующими словами:

— Прежде всего, должен оговорить, что

сообщенные моим уважаемым русским коллегой цифры населения оказались совсем неверными, правда, показанное число болгар близко к истине, число же турок в действительности оказалось от 800 до 900 тысяч и греков 450–500 тысяч. Основываясь на этих данных, предлагаю следующее:

Во главе края:

1) Генерал губернатор.

Примечание: выбор генерал-губернатора и его права точно определены Берлинским трактатом.

2) При нем директора: внутренних дел, военный, финансов, публичных работ, правосудия и народного просвещения.

3) Областное собрание в составе 56 депутатов, из коих 20 по назначению генерал-губернатора и 36 по выборам от населения, пропорционально численности каждой народности.

Областное собрание заседает два месяца в году, а на остальные 10 месяцев выбирает из своего состава Постоянный комитет из десяти действующих членов плюс двое запасных, избираемых следующим образом: каждый депутат пишет шесть фамилий. По подсчете голосов 10 депутатов, получивших наибольшее число голосов, и составляют Постоянный комитет. Председателем является получивший наибольшее из всех число голосов. Комитет заседает круглый год, издает

публично-административные постановления (Reglements d'administration publique), которые до открытия следующей сессии Областного собрания имеют силу временного закона и, если будут Собранием утверждены — становятся законом, если нет — отпадают.

При такой системе права меньшинств будут ограждены, и они всегда будут иметь перевес голосов в Постоянном комитете.

Едва Дремонд-Вольф успел закончить свой доклад, как наш первый комиссар А. А. Шепелев громко заявил: «Всецело принимаю».

Все, не исключая и Дремонд-Вольфа, были так поражены столь неожиданным оборотом дела, что воцарилось полное молчание, и только австрийский комиссар, умный венгерец, граф Каллай, посмотрев на всех с улыбкой, проговорил: «И я тоже».

После этого первый отдел был принят единогласно и заседание закрыто.

Поздно вечером, когда мы все сидели в кабинете нашего генерального консула, князя Церетелева, человек доложил о приходе графа Каллая.

Поздоровавшись, граф Каллай обратился к князю Церетелеву со следующими словами:

— Я сегодня зашел к вам не случайно, а чтобы выяснить наши дальнейшие отношения. Вы видели,

что до сих пор я шел во всем против вас и делал это сознательно, оберегая интересы своей Родины. Но после сегодняшнего заседания, согласно которому вы стали полновластными хозяевами в крае, я напрасно препираться из-за мелочей не буду и пойду с вами. Я уполномочен своим правительством откровенно признать нижеследующее: как вам нужен Константинополь, так нам нужны Салоники. И если вы это признаете, то мы вам тут больше не враги, а союзники, и будем друг другу взаимно помогать в достижении наших целей.

Содержание этой беседы Церетелев ночью же перешифровал в Петербург. Ответ из Петербурга был получен лишь через месяц и гласил: «Россия не может согласиться на разрез Македонии пополам».

Вооруженные силы Восточной Румелии состояли из Учебного батальона, в составе двух рот пехоты, саперной роты, полубатарей, конной учебной сотни, семи дружин четырехротного состава каждая, и двух эскадронов Подвижной жандармерии.

Полицейскую службу в крае несла жандармерия, имевшая также строевую организацию.

Во главе милиции стоял ее начальник в чине генерала, он же и военный министр. При нем штаб милиции из двух отделов: строевого и

хозяйственного.

Первым начальником милиции был назначен Виталис-паша, левантинец, состоявший на турецкой службе, а раньше на французской, участник мексиканской экспедиции в царствование Наполеона III, носивший бесчисленное число медалей и орденов и всегда говоривший: я участвовал в 27 сражениях.

Дружинами и ротами командовали русские и болгарские офицеры, состоявшие в рядах нашей армии еще в мирное время либо в болгарском ополчении во время войны.

Начальствование Виталиса-паши, носившее больше опереточный характер, когда каждый требовал чего угодно и делал что задумает, продолжалось недолго. По настоянию нашего посла Виталис был отозван в Константинополь и на его место прибыл Штреккер-паша, родом пруссак, уже много лет состоявший на турецкой службе.

В это же время князь Лобанов, озабоченный тяжелым и беззащитным положением наших офицеров в Восточной Румелии, по соглашению с военным министром графом Милютиным прикомандировал меня к генеральному консульству в Филиппополе — официально для окончания дел и счетов действующей армии, негласно же мне поручалось наладить отношения с генерал-губернатором и местными властями, взять

в свои руки руководство нашими офицерами и направить их работу в должном направлении, то есть сделать так, чтобы милиция стала частью болгарской армии.

Прежде чем продолжать рассказ, считаю долгом сказать несколько слов об офицерах, оставленных на службе в болгарской армии и в восточно-румельской милиции.

Впервые было допущение служения русских офицеров в иностранной армии.

Все они были условно уволены от службы (по прошению), но продолжали числиться в списке частей, сохраняли свое старшинство и оставались обязательными участниками эмеритальной кассы, причем взносы за них производило военное ведомство. Кроме того, всем офицерам, оставшимся на службе в болгарской армии, было выдано на руки высочайшее повеление, что пока они состоят в болгарской армии, все распоряжения болгарского князя исполняются как повеления государя императора, и офицеры свято соблюдали этот приказ.

Главным ядром для офицеров в болгарской армии и в восточно-румельской милиции послужило болгарское ополчение, созданное во время войны. Особенностью при формировании болгарского ополчения явилось то, что его начальники и все офицеры были выбраны Главным

штабом по округам исключительно по аттестационным спискам, причем брались аттестованные, без чьих-либо рекомендаций. Результат получился блестящий. В числе избранных офицеров большой процент был взят из Туркестанского военного округа.

У нас принято попрекать офицеров в инертности, в недостатке собственного почина, в бездействии без приказания. Отмечает эти отрицательные стороны генерал Куропаткин в своих записках о Японской войне. Служба наших офицеров в болгарских войсках и особенно в восточно-румельской милиции является блестящим опровержением этого мнения.

Работая не покладая рук над формированием и обучением вверенных им частей, офицеры в то же время являлись неутомимыми и совершенно самостоятельными учителями гимнастических дружеств, через них обучали военному делу все население.

В Болгарии офицерам помогал военный министр, в Румелии же начальник милиции всячески старался тормозить их деятельность, поощряя офицеров, безучастно относившихся к своим обязанностям. И все же их энергия, любовь к делу взяли верх, преодолели все препятствия и, как увидим ниже, довели дело до блестящего конца.

Правда, что и ученики-болгары вели себя

выше всяких похвал и с особым рвением занимались в дружествах, часто даже в ущерб своим личным делам.

В новейшее время другим опровержением того же утверждения служит деятельность наших военных летчиков. В 1910 году в Москве впервые было основано Общество воздухоплавания, и первым учителем был приглашен Уточкин.

Как теперь помню первые его полеты на Ходынском поле осенью 1910 года, как все восхищались, когда Уточкин описал в воздухе большой круг и успешно пролетел над зданиями скакового общества.

В 1911 году наши офицеры свободно летали в высоте, а в 1913 уже процветали на р. Кача и в Гатчине школы военных летчиков, в которых учителями были штабс-капитан Андриади, ротмистр Ильин, штабс-капитан Берченко и другие. А год спустя уже каждый корпус имел свой отдельный отряд летчиков, ничем не уступавших летчикам иностранных армий. Даже император Вильгельм отдал им должное:

— Только русский офицер может отважиться и полететь на таких аппаратах.

Первым нашим генеральным консулом в Восточной Румелии был князь Алексей Николаевич Церетелев, бывший до войны секретарем посольства в Константинополе, сопровождавший

графа Н. П. Игнатьева при его объезде иностранных дворов перед войной, кавалер знака отличия Военного ордена всех четырех степеней.

Работать с ним было легко. Отлично зная обстановку, пользуясь высоким авторитетом среди болгар и турок, он не только не опасался моего сближения с местными властями и иностранными консулами, но всеми силами содействовал ему и сразу познакомил меня и с болгарскими политическими деятелями, и с болгарским обществом.

Обретя доверие генерал-губернатора князя Вогориди, председателя Областного собрания и Постоянного комитета Ивана Евстратьева Гешева, легко удалось провести в жизнь намеченную нами программу: восстановить внутренний порядок в дружине, вести обучение по нашим строевым уставам, выработать военный бюджет и получить ходатайство от Областного собрания о перевооружении нашей милиции и жандармерии винтовкой Бердана,³⁹ о снабжении ее сапогами и

---

³⁹ Винтовка системы Бердана, или так называемая берданка (однозарядная винтовка), была создана американским изобретателем Х. Берданом и принята на вооружение русской армией в 1868 г. Калибр — 10,67 мм, прицельная дальность до 1600.

так далее.

Осенью 1878 года было впервые созвано Областное собрание. По статуту первое заседание открыл старейший по годам депутат, глава католической епархии епископ Реноди и предложил собранию приступить к выборам президиума Постоянного комитета.

Председателем был выбран единогласно Иван Евстратьев Гешев, товарищами председателя доктора Янколов и Хаканов; членами в Постоянный комитет 10 болгар и запасными 2 турка. Так ответила действительная жизнь на все хитроумные изощрения Дроммонд-Вольфа об устранении болгар от влияния на ход дел в родной стране.

Но и болгары умели использовать свое выгодное положение. Ни в чем не тесня ни турок, ни греков, они дружно приводили в собрании все мероприятия к тому, чтобы Восточная Румелия являлась как бы частью Болгарии, той Болгарии, которая им была указана Сан-Стефанским договором. И у них были партии, зарождалась борьба не только между партиями, но и между влиятельными семьями, но все это на время откладывалось. Накануне решения важного вопроса все депутаты-болгары собирались вечером в доме пловдивского митрополита Данарета, обсуждали вопросы и выносили предварительные решения. Особенно не было отказа в ассигновании средств на

нужды милиции, напротив, собрание подсказывало начальнику милиции, в чем еще чувствуется недостаток.

При том повышенном настроении, которое царило в крае и в среде офицеров, работа шла усиленным темпом и первые годы самостоятельной жизни Восточной Румелии прошли весьма благополучно и дали мощный ход производительным силам страны.

Главная заслуга в этом принадлежит генерал-губернатору князю Вогориди, умевшему и, главное, хотевшему отстаивать интересы края перед султаном и Портою и, в особенности, председателю Областного собрания и Постоянного комитета Ивану Евстратьеву Гешеву, неутомимому работнику, с редким тактом, твердостью и самоотвержением руководившим ими в течение четырех лет.

За 1880 год два события во внутренней жизни края заслуживают быть особенно отмеченными: восстановление поземельного кредита и усиление католической пропаганды в Восточной Румелии, особенно в Македонии.

Несмотря на наши щедрые оплаты за все приобретаемое от населения, война значительно истощила край, чувствовался недостаток в скоте и лошадях, земледельческих орудиях и семенах.

Вспомнили, что до войны в каждом казе

(уезде) была своя земледельческая касса, из которой земледельцы могли получать ссуду не свыше 50 турецких лир исключительно на покупку семян, земледельческих орудий, скота и незначительного участка пахотной земли или виноградника.

За время войны масса городов и деревень были сожжены дотла, в них погибли долговые книги и иные документы земледельческих касс, тем не менее было решено восстановить этот порядок. Простота предложенного способа восстановления заслуживает особого внимания, так как она ясно показала, насколько в душе населения, еще не тронутого цивилизацией, понятие о настоящей честности было выше, чем в наиболее цивилизованных странах.

Постановлением Областного собрания все бравшие ссуды из касс обязывались немедленно заявить в управление начальника своего уезда, когда, какую ссуду получили, сколько по ней выплатили и сколько остались должны.

На мой вопрос Гешеву, заявят ли все, он с уверенностью сказал, что, безусловно, заявят. Если же кто-нибудь не сообщит, то это будет значить, что или до него не дошло объявление, или он погиб. И земледельческие кассы были успешно восстановлены.

Католическая болгарская община в

Филиппополе, так называемые павликиане, состояли под руководством францисканских монахов во главе с 80-летним старцем, архиепископом монсеньором Реноди. Дети павликиан воспитывались в церковной школе, которой заведовал монах отец Александр Шилье, пользовавшийся неограниченным влиянием не только на детей, для которых он был и духовником, и наставником, и руководителем их игр и экскурсий, но и на их родителей.

Опасаясь ослабления деятельности монсеньора Реноди, в помощь ему был прислан епископ Менини, который перед отъездом в Восточную Румелию представился императору Францу-Иосифу и получил от него значительную сумму денег в безотчетное распоряжение.

Одновременно в Македонию был командирован епископ Геппингер, успевший в одно лето обратить в католичество 250 болгарских семей. Большинство перешедших в католичество делали это лишь с целью достижения покровительства австрийских генеральных консулов, оставаясь в душе православными. В отношении отцов это может быть было и так, но дети, подпавшие в школе под руководство таких учителей, как отец Александр Шилье, уже всецело воспринимали католическое вероучение.

Когда же по повелению папы 11 мая, в День

святых Кирилла и Мефодия, первоучителей болгарских, католическая месса была отслужена на болгарском языке, национальная гордость болгар была настолько польщена, что они не могли скрыть своей гордости, и церковный вопрос снова обострился. К счастью, новая жизнь так захватила всех, что не хватало времени на чем-нибудь сосредоточиться.

Летом же 1880 года произошло еще одно частное сообщение, огорчившее всех и особенно больно поразившее нас, военных. Выехавшая в Черпан мать М. Д. Скобелева была убита в четырех верстах от Филиппополя.

Ольга Александровна (Николаевна. — *Примеч. ред.*) Скобелева объехала Болгарию, посетила Софию, где в Народном собрании ее встретили бурными овациями. Из Софии, посещая по пути крупные города и села, она прибыла в Филиппополь, где прогостила довольно долгое время. Она всюду открывала отделения Общества Св. Пантелеймона и в то же время пропагандировала идею об избрании ее сына, знаменитого генерала Михаила Дмитриевича Скобелева, в князя Болгарии.

Пребывание ее в Филиппополе было большим везением для меня, Церетелева, Извольского. По своим связям среди Петербургского общества, по родству с Адлербергами, она близко знала всю

жизнь высших чинов тогдашних государственных деятелей. Обладая живым умом и острым языком, она с неистощимым юмором рассказывала закулисную сторону жизни общества, не исключая своих дочерей. Один лишь Миша, как она называла своего сына, был для нее кумиром, и для него она была готова на все жертвы.

Ей прислуживала девушка, никогда с ней не разлучавшаяся, и состоявший в запасе старший унтер-офицер Суздальского полка Иванов, кавалер знака отличия Военного ордена IV, III и II степеней. У нее постоянно бывал капитан Узатис, командир учебной саперной роты, во время войны поступивший из отставки охотником в один из полков 16-й пехотной дивизии,⁴⁰ которой командовал М. Д. Скобелев, и бывший у него ординарцем. Перед тем Узатис в 1876 году был добровольцем в Черногорской армии в ее войне с Турцией и даже среди черногорцев пользовался репутацией беззаветного храбреца. Все прибывавшее в Филиппополь черногорцы обязательно шли к нему на поклон и признавали его

---

⁴⁰ 16-я пехотная дивизия впервые была образована 28 сентября 1808 г. В 1914 г. в дивизию входили пехотные полки: 61-й Владимирский, 62-й Суздальский, 63-й Углицкий и 64-й Казанский, а также 16-я артбригада.

старшим над собой. Заветным желанием Узатиса было приобрести в собственность мельницу, арендованную им в деревне Дермень-дере, и он просил Ольгу Александровну дать ему необходимую сумму денег.

Отъезд в Черпан ввиду сильной жары был назначен в пять часов пополудни. Перед отъездом Ольга Александровна зашла ко мне, так как я лежал в сильной лихорадке, посидела со мной, напилась чаю и поехала.

Часа через два после ее отъезда в комнату вбежал мой денщик и от волнения с трудом выговорил:

— Прибежал раненый Иванов, он говорит, что капитан Узатис с черногорцами убили генеральшу и ее девушку.

Известие было так невероятно, что я не поверил ему, приказал помочь мне подняться с постели и сойти вниз к Иванову.

Иванов действительно лежал тяжелораненый в руку и со слезами рассказал:

— Едва мы отъехали от города версты четыре на высоте лагеря, как увидели, что у края шоссе стоит Узатис с тремя черногорцами. Генеральше приказали остановиться. Только экипаж встал, они все вдруг бросились: один черногорец на меня, ударил ножом в руку и сбросил с козел, другой убил извозчика, а сам Узатис одним ударом ножа

зарезал генеральшу, другим — девушку. Воспользовавшись минутой, когда они стали разбивать чемоданчик, я бросился бежать.

Не успел Иванов окончить свой рассказ, как послышался топот лошадей на быстром аллюре и затем в дом вошел поручик Вишневский, который доложил:

— С час тому назад в лагерь прибежали люди, которые передали, что на шоссе стоит экипаж, убиты две женщины и извозчик и тут же лежит взломанный чемоданчик.

Мы тотчас поскакали на шоссе и в убитой узнали мать генерала Скобелева. Капитан Ковалевский остался при покойной, а я, вернувшись в лагерь, поручил Вишневскому взять восемь конников, чтобы скакать в Дермен-дере за Узатисом. Вишневский прошел рысью по городу, затем галопом к пере езде через полотно железной дороги. Здесь он узнал от сторожа путей, что примерно с час тому назад через переезд перешли четыре человека, один на коне, трое пешком, и поспешили по направлению к Дермен-дере. Вишневский, ускорив ход, быстро достиг Дермен-дере, сам с пятью конниками свернул на мельницу, а троим приказал занять единственный выход в горы, на пути в Македонию, и никого не пропускать до его приезда к ним.

На мельнице Вишневский застал только что

прибывавших черногорцев Андрея и Илью и фельдфебеля учебной саперной роты македонца Барчика.

Все трое только начали снимать промокшее от пота платье и обувь и без сопротивления дали себя арестовать, уверяя, что они ни в чем не виноваты.

Конники показали:

— Едва мы успели занять выход, как показался капитан Узатис в черной кожаной куртке. На окрик «Стой, кто идет?», Узатис спросил: «Разве вы меня не знаете? — Знаем, да не велено пропускать, потому что ты убил мать Скобелева». Тогда Узатис достал из-за пояса револьвер и выстрелом в рот убил себя наповал.

Благодаря расторопности наших офицеров убийство, совершенное около шести часов вечера, было сразу раскрыто, к одиннадцати часам главный виновник покончил с собой, а три его соучастника арестованы и переданы болгарским властям.

Это злодеяние произвело на нас удручающее впечатление, одновременно с донесением в Петербург мы отправили сочувственную телеграмму генералу Скобелеву, находившемуся в Баме и занятому приготовлениями к экспедиции в Ахалтеке. В ответ получили лишь лаконичную телеграмму: «Кто убийца, как наказан?»

В заключение скажу несколько слов об одном из соучастников-черногорцев, Андрее. За войну

1876 года с турками он получил от князя Николая один из четырех знаков отличия Военного ордена, как храбрый из его воинов. В Филиппополь Андрей прибыл за год перед тем и пристроился к Узатису.

Когда его привели на очную ставку с унтер-офицером, Иванов сразу его признал и начал обличать. На это Андрей не проронил ни слова и, лишь когда Иванов закончил, спокойно сказал:

— Если ты говоришь, что меня знаешь, то это много чести для меня, и я тебя благодарю. Но тебя я вижу в первый раз.

На допросе у следователя он также был совершенно равнодушен, все отрицал и вроде бы подшучивал над стараниями его обличителей. И только на третьем допросе, на котором присутствовали Церетелев и я, Андрей вдруг обернулся к нам с вопросом:

— Позвольте ли вам руку целовать?

— Целуй.

Андрей подошел к нам, положил к ногам свою шапочку, поцеловал нам руки и сказал, указывая на следователя:

— Ему я бы никогда ничего не сказал, а вам сознаюсь во всем. Ни один черногорец не убьет женщины. Мать Скобелева и другую женщину убил сам Узатис, я же убил извозчика и ранил Иванова, и если мне дадут офицера, то я проведу его на то

место, где закопаны деньги. Пошли мы, черногорцы, на это дело, потому что того потребовал Узатис, но женщин мы никогда не убиваем. Больше мне нечего сказать.

Все трое: Барчик, Андрей и Илья — были приговорены к каторжной тюрьме без срока.

Совість ли его мучила, или он не смог перенести неволи, но на втором месяце заключения богатырь Андрей скончался от чахотки.

В декабре 1883 года я был вызван в Петербург, где и представил подробный доклад об общем положении военного дела в Восточной Румелии и по каждому из отделов. В том числе подал ходатайства об уступке по казенной цене 5,5 тысяч винтовок для перевооружения милиции и по тысяче патронов на винтовку; о командировании в Филиппополь военного прокурора для устройства военно-судной части и ротмистра для командования учебной конной сотней; об уплате нашим офицерам дополнительного содержания до размеров содержания, получавшегося нашими офицерами в Болгарии из сумм оккупационного фонда, чтобы этим остановить переход наших офицеров в Болгарию.

Все ходатайства были удовлетворены.

Когда доклад был окончен, генерал-адъютант Обручев сказал:

— Теперь пройдите к Семену Никитичу и

запишитесь на представление к государю императору.

Тайный советник Семен Никитич Акимов был всеми уважаемый ветеран штаба, дослужившийся из писарей до чина тайного советника и управлявший канцелярий начальника Главного штаба. Когда я вошел к нему, он беседовал с двумя генералами. Поздоровавшись, спросил:

— Чем могу служить?

— Прошу вас записать меня на представление государю императору.

— Никакого права не имете-с, государю императору могут представляться только генералы и штаб-офицеры, а вы капитан.

— Но меня направил к вам генерал Обручев.

— В таком случай не посетуйте, я все же проверю и затем вас извещу, оставьте ваш адрес у дежурного писаря, — и добродушно добавил. — Не беспокойтесь, все будет сделано.

Представление было назначено на воскресенье 5 февраля после обедни, но почему-то не состоялось, и было перенесено на 7-е, на 12 часов дня.

Представляющихся было всего трое, два брата Мансуровых, по случаю назначения в Государственный совет, и я.

Ровно в двенадцать вышел государь император, поздравил Мансуровых с назначением и

пригласил их к завтраку, а мне сказал:

— Ты подожди меня здесь.

В час дня подошел ко мне скороход и доложил:

— Его Величество изволили отбыть в манеж и повелели вам прибыть сюда завтра в 11 часов утра.

У меня упало сердце, думалось, что я так и не увижу государя, особенно когда, прибыв на другой день во дворец, других представляющихся не оказалось, и дежурный флигель-адъютант встретил меня словами:

— Что вам угодно?

Я изложил ему суть визита.

— В таком случае прошу вас подождать, у Его Величества с докладом шеф жандармов, когда выйдет, доложу о вас.

Через несколько минут из кабинета Его Величества вышел генерал-адъютант Дрентельн, мой первый начальник дивизии, узнал меня, поздравил с переводом в Генеральный штаб и сказал:

— Его Величество приглашает вас в кабинет.

Государь стоял у письменного стола и, проговорив: «Здравствуй», сел к столу и, указав на стул против себя, добавил: «Садись».

Никто так подробно не спрашивал меня не только в общем, но и по каждому вопросу в отдельности.

Обаяние Александра II было так велико, что я забыл свою застенчивость и докладывал все, что знал и видел, до мельчайших подробностей, ничего не утаивая.

Выслушав доклад, государь молчал несколько мгновений, затем вдруг спросил:

— Заметны ли последствия войны? Что дала она краю?

По самому тону этого вопроса я почувствовал, насколько эта мысль волнует государя, и ответил:

— Лучше всего Вашему Величеству это будет видно из следующего: если теперь выехать по железной дороге из Константинополя на Адрианополь и далее, то весь путь будет идти словно по вымершему краю. На станциях тишина, пусто, никакого движения, разве лениво пройдет один-другой человек. Подъезжая к Мустафе-паше, уже издали слышен гул голосов, на самой станции толпится народ, жизнь кипит. По всей Восточной Румелии в полях народ, везде слышны песни, жизнь бьет ключом, а по воскресеньям и в праздники утром звонит колокол, всюду идет обучение в гимнастических дружествах, а после обеда появляется волынка и все танцуют «хоро» (болгарский народный танец).

Государь перекрестился и тихо проговорил:

— Слава богу, значит, война все же принесла пользу, и жертвы были не напрасны.

Встав, государь добавил:

— Спасибо тебе, что ты говоришь всю правду своему государю, — обнял меня, поцеловал и на этот раз не помешал мне поцеловать его руку.

Это было около полудня 8 февраля 1881 года, а 1 марта государя не стало. Но образ государя императора Александра II и пребывание с ним с глазу на глаз навсегда оставили во мне неизгладимое впечатление, особенно слова: «Спасибо тебе, что ты говоришь всю правду своему государю».

В это же пребывание в Петербурге мне, наконец, удалось повенчаться с моей невестой, с которой мы пробыли в разлуке свыше двух лет, и в обратный путь на Константинополь и Филиппополь мы выехали уже вдвоем.

Наше первое путешествие прошло не совсем гладко. Едва успели устроиться в купе, как на высоте Колпина поезд остановился, произошла какая-то серьезная поломка и мы простояли до тех пор, пока из Петербурга не подали новый состав. Вагоны не успели обогреться, и мы порядком озябли в течение первых часов пути.

В Одессе рейд оказался замерзшим, ледаколов еще не было, и пришлось прожить в Одессе 12 дней, так что до Константинополя мы добрались лишь в последних числах февраля.

1 марта вечером было получено известие о

кончине государя и о воцарении императора Александра III. На панихиде в Посольской церкви не только мы стояли подавленные, но и по лицам всех иностранных послов и приехавших в большом числе чинов посольств было видно, что они не только отбывают долг вежливости, но вместе с нами переживают весь ужас совершенного злодеяния. Гостившая у посла старушка баронесса Боден, войдя в церковь, опустилась на колени и так разрыдалась, что упала на пол и, рыдая, пролежала всю панихиду.

В Константинополе я уже не застал князя Лобанова. Он был перемещен послом в Вену, а на его место в Константинополь прибыл бывший много лет послом в Вене статс-секретарь Новиков, находившийся под сильным обаянием австрийского премьера графа Андраша.

Когда я доложил послу о намеченных мероприятиях по укреплению вооруженных сил Восточной Румелии, отметив, что все эти мероприятия одобрены министром иностранных дел статс-секретарем Гирсом, и просил его содействия, то посол воскликнул:

— Вы забываете, что Австрия едва допускает существование Восточной Румелии, мое имя — это мир, а вы хотите мне навязать проведение военных мероприятий.

Едва удалось заручиться его содействием.

В Филиппополе уже не оказалось моего друга и сотрудника князя Церетелева. Тяжкий недуг заставил его уехать в отпуск, а затем и совсем покинуть службу. В следующем году этот недуг свел его в могилу на 43-м году жизни.

Отъезд князя Церетелева явился большим ущербом для нашего дела в Восточной Румелии.

В начале лета были благополучно доставлены в Бургас винтовки с Тульского завода и патроны с завода Гилленшмидта. Прибыли военный прокурор полковник Хольмблат и командир учебной конной сотни, донской казак есаул Дубовской.

Полковник Хольмблат был выбран лично главным военным прокурором В. Д. Философовым, и выбор оказался весьма удачным. К началу открытия сессии Областного собрания полковник Хольмблат выработал проект уставов дисциплинарного, военно-уголовного и военно-судебного, внес их и доложил собранию на чистом болгарском языке.

Выбор есаула Дубовского состоялся следующим образом: военный министр направил меня к начальнику Офицерской кавалерийской школы. В то время как я поджидал генерал-лейтенанта Тутолавина, в школу вошел великий князь Николай Николаевич — старший. Увидав меня, он спросил:

— Что ты тут делаешь?

На мой доклад великий князь сказал:

— Весной оканчивает школу есаул Дубовской, рекомендую тебе его как отличного во всех отношениях офицера.

Стоит заметить, для милиции московским купцом Селивановым были доставлены семь тысяч пар сапог отличного качества и по весьма сходной цене, по 2 рубля 70 копеек.

Когда же к нему обратились с таким же предложением на следующий год, Селиванов сам приехал в Филиппополь и так закутил, что не было с ним сладу. Он заявил, что он подарит сапоги, а подряда не возьмет. Когда же председатель Постоянного комитета ему ответил, что подарка они не могут принять и просят его взять подряд, как и в прошлом году, Селиванов обиделся и уехал в Москву, не дав никакого ответа.

Вообще, мы не сумели установить экономической связи с болгарами, а, между тем, сделать это было легко, стоило начать с книг, которых так просили болгары, от учебников по всем предметам, научных книг и до нашей литературы.

Предметами немедленного ввоза могли служить: наш керосин, качеством выше американского и дешевле; сахар легко вытеснил бы австрийский, как несравненно высший по качеству, но при непременно условии доставки его малыми

головками, в пять-шесть фунтов или колотым в кусках; все изделия хлопчатобумажной промышленности, особенно ситец, при условии подгона рисунков под местный вкус. А через некоторое время, несомненно, пошли бы в ход наши шелка, бархат, парча, обувь и все кожаные изделия.

Обо всем этом поднимался вопрос, горячо хлопотал председатель славянского комитета, составлялись грандиозные проекты. Но все оставалось в области разговоров и проектов, потому что московские промышленники, привыкшие при нашей покровительственной системе к легкой наживе, считали недостаточными для себя те барыши, которые им сулила торговля с Болгарией и Восточной Румелией.

А пока мы говорили, иностранные товары, в большинстве австрийские, окончательно заполонили болгарский рынок.

Водворяя на Восточно-Румельскую службу новых лиц, пришлось одновременно приступать к избавлению офицерской среды от вкравшихся в нее нежелательных элементов.

В самом начале 1881 года вспыхнуло восстание в богатом Кырджалисском округе, населенном помаками, то есть болгарами-мусульманами. Для подавления восстания были двинуты три дружины под

командой капитана Яперова.

Восстание было быстро подавлено, но при этом трое из офицеров позволили себе награть известное количество скота.

Начальник милиции Штреккер-паша всеми силами старался раздуть это дело, всюду жаловался на наших офицеров, и только я успел вернуться в Филиппополь, начал мне доказывать, что все офицеры совершенно не соответствуют своему назначению, что весь Кырджали ограблен, а жители разорены. На вопрос, провел ли он расследование, Штреккер-паша ответил, что и без расследования все слишком ясно.

Тогда я сам произвел расследование, которое показало, что после усмирения восстания три офицера пригнали в город Хасков несколько десятков голов скота, которые продали, причем один из ротных командиров наивно выдал расписку в получении денег за награбленный скот.

Деньги пострадавшим были тотчас уплачены, виновные офицеры вызваны обратно в Россию и высочайшим повелением навсегда исключены из службы.

Вслед за тем в течение года были постепенно заменены еще десять офицеров.

Забыл упомянуть, что еще осенью 1880 года из состава милиции были командированы в Петербург, в Академию Генерального штаба три

младших офицера, болгары Радко-Димитриев, Цанков и Волнаров. Все трое успешно окончили академию и вернулись обратно уже с правами офицеров Генерального штаба. Радко-Димитриев, в войну 1912–1913 годов командовал болгарской армией, наступавшей на Адрианополь, разбил турок под Люле-Бургасом и захватил Адрианополь. После войны переехал в Россию со всей семьей, принял русское подданство и в Великую войну 1914–1917 годов командовал сначала 8-м корпусом, а затем 3-й армией. Во время революции в 1918 году был убит на Кавказе.

Летом 1881 года наступил кризис в политической жизни Болгарии, и так как он заметно отразился и на внутренней жизни Восточной Румелии, то я вкратце поведаю о нем.

Еще в первый год своего служения князь Александр Баттенберг обратился к государю Александру II с просьбой об изменении Тырновской конституции.

Государь запросил мнение князя Лобанова, который указал, что не прошло и года, как князь Александр присягнул этой конституции и потому обязан ее соблюдать. Просьба была отклонена. По воцарении императора Александра III князь повторил свою просьбу и получил разрешение на созыв Великого народного собрания, которое должно было приостановить действие Тырновской

конституции и даровать князю особые полномочия сроком на семь лет.

Когда князь объявил военному министру о задуманном перевороте, генерал Эрнрот, заменивший генерал-майора Паренсова, обещал провести переворот, но заявил, что как только переворот закончится, он, Эрнрот, подаст в отставку и уедет из Болгарии.

Еще большее содействие в успехе переворота оказал наш дипломатический агент М. А. Хитрово, который сопровождал князя при его объезде княжества и всюду на местах уговаривал народ о даровании князю испрашиваемых полномочий.

1 июля собиралось Великое народное собрание. Открытие было назначено на полдень.

За несколько минут до открытия на квартиру дипломатического агента явилась депутация от Собрания, глава которой обратился к М. А. Хитрово со следующей речью:

— Через несколько минут князь обратится к нам с требованием о приостановке действия конституции и о даровании ему особых полномочий. Так скажи нам: желает ли царь, чтобы мы исполнили требование князя? Признает ли царь, что это будет для нашего блага?

Хитрово ответил:

— Да, царь желает этого и считает, что это будет для вашего блага.

Князь открыл собрание вовремя, прочел манифест, и через каких-нибудь десять минут все, о чем просил, было ему даровано, и князь пригласил депутатов присягнуть новому порядку. 298 депутатов присягнули и целовали крест и Евангелие. Один, Драган Данков, покинул Собрание, не присягнув.

Генерал Эрнрот сейчас же подал в отставку и покинул Болгарию. Вскоре за ним последовал и М. А. Хитрово.

Из Петербурга прибыли генерал-лейтенант Соболев для занятия вновь розданной должности первого министра и генерал-майор барон Каульбарс — на должность военного министра.

Назначение дипломатического агента сразу не последовало, текущими делами агентства ведал секретарь Арсеньев, обязанности агента временно нес генерал-лейтенант Соболев.

С этого момента политическая жизнь Болгарии резко изменилась. Несмотря на то что до выборов в Народное собрание оппозиция не была допущена, дела не шли, во всем чувствовался застой, какое-то глухое сопротивление и недовольство.

Прошло всего лишь три года со дня образования Болгарского княжества, а в Софии сменились уже три наших дипломатических агента и два военных министра. Мы не сумели установить

правильных отношений ни с князем, ни с болгарами.

Последствия переворота сказались и на жизни Восточной Румелии. Исчезла сплоченность болгар, стала образовываться новая партия, которая начала проповедовать стремление не к присоединению Восточной Румелии к княжеству, а наоборот, княжество к Восточной Румелии, и, провозгласив генерал-губернатора князя Вогориди болгарским князем, партия повела решительную борьбу против Ивана Евстратьева Гешева и его единомышленников.

К счастью, удалось не допустить князя Вогориди до решительных выступлений.

С приходом преемника Церетелева, статского советника Кребеля, моя работа стала протекать в иной обстановке. Добрые отношения с ним продолжались до тех пор, пока я не посвятил его в подробности местной обстановки. Дошло до того, что однажды князь Вогориди рассказал мне, как он просил Кребеля поддержать его в Константинополе по вопросу, касавшемуся милиции, и Кребель будто бы ответил:

— Я все для вас сделаю, но при условии, что подполковник Экк не будет об этом знать.

В Петербург постоянно доносилось, что мое пребывание в Филиппополе возбуждает недоверие представителей иностранных держав, которые

будто бы постоянно спрашивают, что может делать в Генеральном консульстве подполковник Генерального штаба.

Весной 1882 года я вновь был вызван в Петербург и был очень удивлен, когда после доклада генерал-адъютант Обручев спросил:

— А какие у вас, Эрк, отношения с иностранцами?

— Самые лучшие, а с некоторыми, особенно с английским генеральным консулом Джонсом, даже дружеские, насколько это допустимо, но я с ними никогда не затрагиваю деловых тем.

Отпуская меня, генерал-адъютант Обручев добавил:

— Военный министр и я признаем желательным ваше дальнейшее пребывание в Филиппополе.

После этих слов я не решился просить об отозвании меня и оставался в Филиппополе до 1885 года.

Милиция постепенно совершенствовалась, Штреккер-паша, убедившись, что ему не удастся понизить рвение офицеров, незаметно перешел на положение шефа и благодаря высокому содержанию спокойно наслаждался жизнью.

Несколько отдельных эпизодов, ярко рисующих внутреннюю сторону деятельности милиции, заслуживают быть отмеченными.

По Органическому статуту командир учебного батальона считался старшим из всех офицеров в строю и их представителем. Ввиду этого на должность командира учебного батальона был избран старший из капитанов 54-го Минского полка⁴¹ капитан Минко, родом болгарин, который с большим достоинством занимал эту должность и пользовался всеобщим уважением.

В нашей армии тогда еще существовал порядок производства в штаб-офицеры не по общей линии старшинства, а отдельно по полкам, по мере открытия вакансии.

Такая вакансия открылась в 146-м Царицынском полку,⁴² и на нее был произведен в

---

⁴¹ 54-й пехотный Минский Его Величества царя Болгарского полк был сформирован 16 августа 1806 г. как Минский мушкетерский, 25 марта 1864 г. назван 54-м пехотным Минским. Шефство царя Болгарии получил 11 апреля 1908 г. Входил в 14-ю пехотную дивизию, но в 1914 г., после начала Первой мировой войны, шефство было отменено, и полк вновь стал именоваться 54-м пехотным Минским.

⁴² 146-й пехотный Царицынский полк в своей основе имел Московский легион, из двух батальонов которого 6 марта 1775 г. был создан Днепровский пехотный полк, ставший с 25 марта 1864 г. 146-м пехотным Царицынским. В 1914 г. входил в состав 37-й пехотной дивизии.

подполковники состоявшей командиром первой Филиппопольской дружины капитан Якобсон. Получив извещение о производстве, подполковник Якобсон предъявил свои права и был утвержден в чине подполковника милиции.

Капитан Минко оказался ни при делах. И генерал-губернатор, и начальник милиции, и, в особенности, председатель Постоянного комитета Гешев, и многие депутаты стали интересоваться: чем же так провинился капитан Минко, за что его обошли, и объяснение, что это простая случайность, никого не удовлетворяло. Сам Минко, глубоко огорченный, решил уйти в отставку и переехать в Болгарию.

С трудом удалось его уговорить немного выждать, затем написать генерал-адъютанту Обручеву о впечатлении, произведенным неожиданным производством Якобсона.

С обратной почтой был прислан высочайший приказ, один из пунктов которого гласил: «За отличия, оказанные в Восточной Румелии, 54-го пехотного Минского полка капитан Минко был произведен в подполковники со старшинством на один день раньше дня производства Якобсона». Так капитан Минко был восстановлен в своем служебном положении.

Оригинальное бытовое явление представляли тогда личности некоторых разбойников края, пользовавшихся известною славой и вроде бы даже почетом в народе.

Особо среди населения славился разбойник Спанос, орудовавший в Восточной Румелии и в Македонии, нападавший только на богатых, никогда не трогавший бедных и часто им помогавший.

За его поимку живым или мертвым правительством была обещана сумма в 10 тысяч пиастров (100 турецких лир золотом), сумма, составлявшая тогда целое состояние, но несмотря на это его не только словно бы охраняли в народе, даже жандармы его не трогали. Так, однажды мы с А. П. Извольским поехали верхом в деревню Сотир. День был воскресный, в церкви шла обедня. Спешившись, мы вошли в церковь. Стояло много народу и впереди один богато одетый человек. Через несколько минут ко мне подошел жандарм и шепнул:

— Ваше Высокоблагородие, изволите видеть человека впереди, это Спанос.

— Ведь ты же обязан его арестовать.

— Никак нет, да и народ не позволит.

Так и простоял Спанос до конца, первым подошел к кресту и вышел из церкви, ни на кого не взглянув.

Этот самый Спанос некоторое время спустя в Белове захватил Бернгесса, старшего лесничего железнодорожного правления барона Гирша, увел его в горы и потребовал выкуп в 12 тысяч турецких лир, угрожая в противном случае убить заложника.

Переговоры о выкупе Спанос поручил одному из своих помощников Маламе, а сам отлучился в Македонию.

Малама не сумел выдержать характера, стал торговаться и выпустил Бернгесса за 3 тысячи лир.

Когда Спанос узнал об этом, то тотчас арестовал Малама и написал Филиппопольскому префекту: «Так как Малама осрамил наше ремесло, согласившись выпустить представителя грабителя Гирша за 3 тысячи лир вместо назначенной мною суммы, то я его выдам вам, при условии, что будут выпущены из тюрьмы арестованные на днях три мои разбойника и возвращена ослица, бывшая при них». Условие Спаноса было принято и он, получив своих обратно, передал Маламу местным властям.

После этого случая решено было ваять Спаноса силою. Были двинуты рота пехоты и эскадрон подвижной жандармерии. Спанос был окружен, шайка его разбежалась, сам Спанос упал в припадке падучей болезни, тем не менее ни один человек не тронулся, чтобы схватить его. Когда припадок кончился, Спанос поднялся и с трудом ушел в горы, и до его ухода никто не шелохнулся.

(Подлинный рассказ офицера, бывшего при этом.)

Другой разбойник, Стоян, орудовал в районе Бургаса, Айдоса, Ямболя. В один прекрасный день возвращавшийся из Бургаса в Ямболь с полученным офицерским содержанием поручик Набоков был ограблен шайкой Стояна, у него отобрали 5 тысяч рублей и угнали лошадей.

Считая себя опозоренным тем, что не сумел уберечь казенные деньги, Набоков сидел на краю шоссе в глубоком раздумье и слезы текли по его щекам. Какой-то прохожий дотронулся до его плеча и спросил:

— О чем горюешь, капитан?

Набоков рассказал, как его ограбил Стоян.

— Как ты поверил, что Стоян мог ограбить царского капитана? Тот, кто назвал себя Стояном, будет убит, а ты ступай спокойно домой, все деньги тебе будут возвращены, в том тебе Стоян порука.

И деньги были действительно возвращены Набокову.

Еще в марте 1873 года, когда мне было поручено объехать район Родопского восстания и выяснить причины отхода наших войск от Демотики и перехода их на левый берег реки Арды, в пути меня настигла ночь. Дикий характер Родопских гор не допускал продвижения в темноте, приходилось становиться на ночлег. Расположенные в долине села были явно

разбойничьими и невольно закрадывалось опасение. Но бывший при мне переводчиком татарин, унтер-офицер 9-го драгунского Казанского полка, заверил меня, что мы для них будем посланными от Аллаха гостями, что они примут и ни за что денег не возьмут.

Пришлось согласиться, и когда мы вошли в дом богатого помака, он нас усадил, указал место, куда поставить лошадей. Я шепнул унтер-офицеру:

— Назначь часового к лошадям.

— Не надо, Ваше Высокоблагородие, это только их обидит. Они сами будут и их, и нас охранять.

Мы отлично переночевали. Утром я напрасно упрашивал хозяина взять деньги хотя бы за прокорм лошадей. Он только повторял: «Алла, Алла» и упорно отказывался. Не допустил даже подарить золотой его маленькой внучке, которая держала мою лошадь.

Простившись с хозяином, я поехал шагом по богатому селу. Когда мы подходили к околице, унтер-офицер галопом подъехал ко мне:

— Ваше Высокоблагородие, теперь надо рысью, за околицей мы для них уже не от Аллаха.

В августе я был приглашен на большие маневры Болгарской армии, сосредоточенной в окрестностях Шумлы.

Хотя всем приглашенным были отведены

дома в Шумле, мне удалось устроиться в палатке с офицерами и, с разрешения князя, я остался жить в лагере. Это дало возможность присмотреться к отличному внутреннему порядку в армии, убедиться в основательном знании полевой службы.

Местность под Шумлой, пересеченная глубокими, с крутыми берегами балками, представляла значительные трудности для передвижения войск, постоянные дожди, размочившие глинистую почву, значительно увеличивали эти трудности. Но болгары — прирожденные ходоки, и надо было видеть, с какой легкостью войска преодолевали препятствия, с какой быстротой совершались все передвижения. 28 августа около полудня обе стороны сошлись под Переяславлем, древней столицей Болгарии. Князь дал «отбой», поблагодарил войска и прямо с поля шагом на своем чистокровной кобыле поехал в лагерь, до которого было 16 верст.

Подъехав к шатру, князь просил всех обедать, и мы тотчас же сели за стол. Не успели подать второе блюдо, как раздалась песня, и головная часть пехоты вступила в лагерь.

Отобедав, войска тотчас приступили к убранству лагеря, и на утро, в день тезоименитства князя, весь лагерь утопал в зелени.

Парад прошел блестяще.

После обеда начались «хоро»: танцы, пение и музыка продолжались до самой зари, которая в этот день бала назначена немного позже обыкновенного.

Житье в лагере дало возможность не только ближе познакомиться со старшими нашими офицерами, переговорить с ними о многом, но и ежедневно видеть князя и беседовать с ним.

Отпустив после обеда иностранных гостей, князь охотно оставался в шатре побеседовать с нами.

Уверяли, что с ним нельзя заговаривать о перевороте, однако, когда мы однажды остались вдвоем, князь сам заговорил об этом, о создавшейся трудной обстановке, и сетовал на то, что не получает должной поддержки от генералов, что самая твердая его опора — это войска и наши офицеры, просил высказать откровенное мнение о войсках.

На это я ответил:

— Войска настолько хороши, что настало время постепенно замещать известную часть вакансий ротных командиров младшими офицерами-болгарами старших выпусков из Софийского военного училища.

— Слишком резкое отличие, проводимое Вашим Высочеством между нашими офицерами и болгарскими, может пойти в ущерб нам, может поселить рознь между ними и подорвать авторитет

наших офицеров в стране.

— Наши офицеры являются в болгарской армии временным элементом инструкторов, главная задача которых, помимо обучения войск, — постепенно подготовить командный состав из офицеров-болгар, являющихся постоянным элементом, главной основой ее в будущем.

Князь без всякой тени неудовольствия сказал:

— Вы правы, но сейчас этого делать еще нельзя.

Отпуская меня, князь добавил:

— Я не решаюсь пожаловать вам орден Св. Александра без предварительного разрешения государя ввиду вашего пребывания в Филиппополе, но прошу вас при случае приезжать в Софию, меня крайне интересует все, касающееся милиции.

25 декабря 1881 года, в самый день Рождества, родилась наша первая дочь.

Понадобилась зачем-то помощь прислуги, я заглянул в комнату девушки, приехавшей с нами из России, ее не оказалось, тогда я стал звать каваса Саву, но и тот не откликнулся. Спустившись вниз, я наткнулся на старика повара, который увидав меня, снял феску и проговорил:

— Ну что ж делать, то Божия воля.

Озадаченный этими словами я с нетерпением спросил:

— А где же Сава?

— О, Сава не покажется вам на глаза, он не захочет вас страмить.

Так я ничего и не добился.

И никто из знакомых местных жителей нас не поздравил, более того, оставление в передней банок с петмесом свидетельствовало о сочувствии нам. Оказалось, что одни боялись меня обидеть, поздравляя с рождением девочки, другие, и в том числе очень мне преданный черногорец Сава, считали, что я просто осрамился тем, что у меня первой родилась дочь. Потом мы с женой очень смеялись, но в первую минуту меня взяло зло, и я чуть не рассчитал всех людей.

Жена не смогла сама кормить, пришлось искать кормилицу, что представляло большие трудности, никто не хотел идти. Наконец удалось уговорить одну бедную, брошенную мужем болгарку, у которой была дочь всего неделей старше нашей.

Фану, когда отдохнула, подкормилась, оказалась женщиной не только здоровой, очень хорошенькой, но и удивительно ровного, веселого нрава, сильно привязалась к своей питомице, ласково и умело с ней обращалась. Мы предоставили ей самой подобрать себе костюм. Надо было видеть, с какой радостью и с каким вкусом она все подбирала. Костюм был болгарский: черный сукман, шитва по борту матовым золотом,

рукава рубашки пышные, как у нас на сарафанах. Пояс широкий кожаный в серебре, передники шелковый — один ярко-зеленого, другой ярко-желтого муара, оба обшиты черным кружевом; белые чулки с вышитыми стрелками, черные башмаки. Волосы заплетены несколькими мелкими косичками, поверх которых цветной платок, очень красиво повязанный. В парадные дни сверх сукмана надевалась меховая безрукавка, расшитая золотом и шнурками.

Мы скоро полюбили Фану за ее удивительно нежное обращение с ребенком, и, хотя ей ни в чем отказу не было, она ни разу не позволила себе ничего лишнего. Освоившись наконец у нас, Фану решила обратиться ко мне с просьбой развести ее с мужем, который, узнав, как ей живется и что у нее завелись деньги, стал требовать ее обратно к себе.

— Спаси меня, — просила Фану. — А то он меня совсем погубит.

— Но я же не могу разводить.

— Ты можешь просить владыку. Он для тебя все сделает.

Подумав, я пошел к митрополиту Панарету, рассказал ему о ней, просил войти в ее положение и развести с мужем.

Выслушав меня, старый владыка спросил:

— Да выгодно ли вам их разводить, может быть, она такая хорошая именно из-за страха перед

возвращением к мужу, не лучше ли обождать?

Но я настойчиво повторил свою просьбу.

— Хорошо, если так, то разведу. Но прежде я должен им трижды сделать пастырское внушение и затем только, если они не исправятся, дам развод.

Самая процедура развода прошла так: Фану и ее муж были вызваны к владыке. Поставив их на колени, владыка сделал им внушение и дал месяц на исправление. Через месяц повторил внушение, потом — в третий раз, и, видя упорство сторон, приказал им внести по одной турецкой лире и выдал каждому отдельное свидетельство о том, что такого-то числа они разведены, причем если исправятся, то каждая из сторон может через год после этого вновь вступить в брак.

Летом 1832 года в Филиппополь прибыл военный инженер Рамбах, командированный с двумя капитанами для сооружения памятников на местах важнейших сражений, на средства капитала, завещанного императором Александром II.

Всего предполагалось поставить 11 памятников, из них восемь в Болгарии и три в Восточной Румелии.

Все памятники были сделаны по одному образцу: основание из красного гранита в пять или шесть ступеней, на нем пирамида из серого гранита с орнаментами и досками из белого мрамора.

На досках золотыми буквами надпись: день и

год боя, какие войска и под чьим предводительством участвовали в бою.

Все части памятников были художественно исполнены в Италии, доставлены в разобранном виде и монтировались нашими инженерами на избранных местах.

В Восточной Румелии памятники были сооружены: на горе Святого Николая в память Шипкинских боев и пленения армии Весселя-паши; под Старой-Загорой, где пришлось выдержать упорный бой с войсками Сулеймана-паши; в Филиппополе в память трехдневного боя с 3 по 5 января 1878 года, в котором была окончательно разгромлена армия Сулеймана-паши.

Так как освящение этих памятников, особенно в Старой-Загоре, приняло характер народного торжества, то считаю необходимым их описать.

Первым был освящен памятник на горе Святого Николая.

Шествие к памятнику началось от Казанлака, и с нами двинулось все население города, Шипки и других прилегающих деревень. Во главе шел старый отец Амфилохий, бывший священником болгарского легиона во время осады Севастополя.

Весь путь от подножия горы до ее вершины был усеян памятниками на отдельных и общих могилах. У каждой такой могилы отец Амфилохий служил краткую литию, так что, выступив на

рассвете, мы достигли памятника немного ранее полудня.

Торжество началось с речи депутата Наумова, в которой он ярко обрисовал все трудности Шипкинского сражения, отбития горстью наших войск бешеных атак турок, и, наконец, пленения армии Весселя-паши.

После речи была отслужена панихида по всем павшим в Шипкинских боях с провозглашением вечной памяти царю-освободителю и всем воинам, живот свой положившим за освобождение Болгарии. Все стояли на коленях, многие громко рыдали, после панихиды был торжественный молебен с многолетием государю императору Александру III и победоносному российскому воинству, генерал-губернатору и прочим. Покрывало спало, и пред всеми предстал в ярком солнечном свете великолепный памятник.

Затем все двинулись к столам. В это самое время ко мне приблизился один из старых габровских ополченцев и просил подойти к ним.

Габровские ополченцы добивались права участия в торжестве, но по политическим причинам их притязания были отклонены. Они все же поднялись из Габрово и стали на северном склоне, неподалеку от памятника.

Когда я поздоровался с ними и поздравил с освящением памятника, старший из них поднес мне

небольшой кувшин с вином:

— Ты тут один царский капитан, так прими от нас и выпей за царя Александра.

Пришлось выпить весь кувшин.

Общая трапеза и гуляние продолжались до самой ночи.

Освящение памятника в Старой-Загоре состоялось 20 августа, в годовщину одного из самых тяжелых боев, притом для нас неудачного. После нашего отступления турки жестоко расправились с городом, разрушили его и заполнили две мечети головами убитых жителей. Памятник был воздвигнут на самом поле сражения.

Ко дню освящения со всех окрестностей собрались свыше двух тысяч человек, расположившихся биваком в ореховых рощах.

Тот же Наумов, депутат от Старой-Загоры, произнес вдохновенную речь, ярко описав все ужасы, пережитые городом, и последовавшее затем освобождение. Речь произвела потрясающее впечатление, многотысячная толпа громко рыдала.

За речью последовали панихида и молебен, и памятник был открыт.

Столов не было, трапезовать расположилась на земле в великолепной ореховой роще. По окончании трапезы составились «хоро» и танцевали до полной темноты. Впереди того места, где мы сидели, составилось «хоро» из двенадцати

стариков. Самому молодому из них был 61 год. Это «хоро» водил в течение двух часов 80-летний старик. Под конец танца ему подали большой графин вина. Поставив графин себе на голову, старик, придерживая графин одной рукой, еще довольно долго водил «хоро». Наконец, остановил его перед нами и, выступив вперед, взял графин в обе руки и со словами «Да живет царь Александр» одним духом выпил его.

Освящение памятника в Филиппополе состоялось по той же программе, но было несколько сдержаннее. Не было народной трапезы, не было общего «хоро», их заменил вечер в городском собрании.

В этом же году у деревни Шипки было окончательно выбрано место под храм в память «Освобождения Болгарии и всех, за это дело живот положивших». Храм предполагалось построить на собранный в России по подписке капитал в 500 тысяч рублей. Архитектор Томишко разработал редкой красоты проект.

3 января 1883 года я был приглашен в Софию на освящение дворца, построенного народом для своего князя.

Прекрасный дворец был богато обставлен, и болгары справедливо им гордились. После освящения состоялся парадный прием, а вечером бал. К сожалению, и на этом балу не обошлось без

неловкости с нашей стороны по отношению к князю.

Князь просил супругу генерала Соболева быть хозяйкой этого бала. Съезд был назначен к 10 часам. Все уже давно собрались, а хозяйки все не было, и князь, наконец, открыл бал с другой дамой, и лишь около полуночи появилась хозяйка.

Пробыв в Софии два дня, я успел сделать все официальные визиты, переговорить с военным министром, с которым у нас шла не всегда гладкая переписка, нанести визит Соболевым и побывать на заседании Народного собрания.

Отовсюду вынес впечатление, что отношения генералов с князем все более обострились, всюду чувствовались трения, а в Народном собрании дела совсем не шли.

При прощании князь пожаловал мне Командорский крест ордена Св. Александра, сказав при этом, что государь разрешил мне носить этот орден и в Восточной Румелии.

Было 10 января, и я очень торопился, чтобы 11-го, в день нашей свадьбы, хоть к вечеру попасть домой!

Переночевал в Ихтимане, несмотря на неблагоприятную погоду. 11-го в 7 часов утра въехал на Филиппополь. Шел мокрый снег, и спуск к селу Ветренову в полторы версты был очень опасен. На половине спуска затянулась правая

дышловая и начала валить влево, к стороне обрыва. Но превосходный кучер Яни сумел-таки настолько справиться с лошадьми, что мы упали со сравнительно малой высоты на кусты и все остались целы. Время шло, и я с трудом, лишь к полночи, добрался до дому.

У жены сидела Ж. Н. Кребель, которая набросилась на меня за то, что я вернулся без Кребеля, и, не прощаясь, ушла.

Наступило время коронавания императора Александра III.

Вся Румелия готовилась к этому дню как к народному торжеству. 15 мая, в самый день коронавания, во всех церквях были совершены богослужения и молебны о благоденствии царя-покровителя, все учащиеся освобождены на два дня от занятий. При появления кого-либо из русских сейчас же раздавались крики «Ура, да живет царь Александр!».

В соборе на молебне присутствовали генерал-губернатор, все власти и члены Постоянного комитета и наличные депутаты Областного собрания. Прямо из собора генерал-губернатор во главе всех официальных лиц прибыл в наше Генеральное консульство для принесения поздравлений, вечером в Городском собрании состоялся парадный бал, на котором было произнесено много славных речей. Но самая

искренность радостного настроения сказывалась в той сердечности, с какой жители зазывали к себе офицеров, солдат-инструкторов, вообще всех русских и, угощая их, старались всячески показать свою любовь и благодарность к России. Когда мы с женой ехали на бал в Городское собрание, мы трижды были остановлены окружавшею нас толпой.

Но из всех знаков внимания самое светлое воспоминание оставило шествие детей. Когда стемнело, несколько сотен мальчиков и девочек, держа в руках зажженные фонари, прошли с песнями через весь город, подошли к нашему дому и, став под балконом, запели «Боже, Царя храни», затем «Ура», «Шуми Марица», и так несколько раз подряд. Мы с женою вышли к ним, благодарили, целовали их, а они в ответ еще громче «Ура», «Боже, Царя храни» и «Шуми Марица» (их тогдашний народный гимн). Пение и крики «Ура» проходили под окнами детской, где спала наша полуторогодовалая дочь, и не только не напугали ее, но даже и не разбудили.

Из Болгарии в Москву выехал князь Александр во главе депутации, которая, поздравляя государя, просила принять на память от болгарского народа серебряную группу, представлявшую символически Россию, освобождающую Болгарию.

На время отсутствия князя было установлено регентство. Регентом назначен военный министр генерал-майор барон Каульбарс.

Лето 1883 года в Восточной Румелии прошло спокойно. Волновали только вести, доходившие из Болгарии. Там, видимо, опять приближался кризис. Не шли дела в Народном собрании, отношения между князем и нашими генералами, особенно первым министром Соболевым, все более обострялись. Чувствовалось назревание столкновений. Несмотря на эти недоразумения, на параде 30 августа, в день тезоименитства князя, он был встречен особенно горячо, а после парада вызванные вперед офицеры после речи князя сопровождали его до самого края поля несмолкаемыми криками «Ура!».

Осенью того же года я должен был отвести больную жену в Вену и, по совету врачей, поселить ее на зиму в Меране.

Возвращаясь обратно, я остановился на два дня в Софии у одного из наших офицеров, капитана Ковалевского, которого хорошо знал по Филиппополю, чтобы повидаться с бароном Каульбарсом и в особенности с недавно прибывшим нашим представителем Иониным.

В первый же день моего пребывания на квартиру Ковалевского приехал адъютант князя и передал мне приглашение Его Высочества прибыть

к нему.

Предчувствуя, какие могут быть между нами разговоры, я просил адъютанта поблагодарить Его Высочество за честь приглашения, но я, не имея с собой ничего, кроме штатского дорожного костюма, лишен возможности воспользоваться приглашением.

Адъютант вернулся и передал, что князь просит придти в чем есть. После этого я отправился во дворец и был тотчас же принят князем.

Привожу дословно рассказ самого князя, из которого между прочим видно, что князь состоял в личной переписке с императором Александром III:

— Чувствуя, что мои отношения с генералами все обостряются и что, донося в Петербург, стараются все мои поступки представить в известном явно для меня неблагоприятном освещении, я решился просить государя прислать генерала Эрнрота, который рассудил бы нас и затем доложил бы всю правду в Петербург. Государь сначала как бы согласился на командирование Эрнрота, но затем написал: «Je ne puis t'envoyer Ernrote, mais j'envoie Ionine. Lui tranquille, la mission de Ionine est une mission de paix, il est chargé de se prononcer entre toi et les généraux».⁴³

---

⁴³ Я не могу послать к тебе Эрнрота, но посылаю Ионина, он спокойный. Миссия Ионина — это миссия мира, ему

Через некоторое время прибыл Ионин, был торжественно принят князем во дворце в присутствии всех министров.

Вручив свои верительные грамоты, Ионин потребовал у князя аудиенции. Князь ему ответил:

— Выбирайте сами время в любой день и час.

Ионин просил сейчас же. Князь сказал:

— Сейчас неудобно, тут все министры, я сам в парадной форме.

Но Ионин продолжал настаивать и, когда князь дал согласие, обратился со следующей речью:

— Monseigneur! Je suis chargé de Sa Majesté L'Empereur, mon Seigneur et Maître de vous déclarer que Sa Majesté est très mécontente de Vous et que j'ai reçu l'ordre formel de surveiller la clique infâme qui vous entoure.⁴⁴

Совершенно озадаченный князь через некоторое время ответил:

— Dans ce cas veuillez Vous adresser à mon

поручено выступить между тобой и генералами. — *Примеч. пер.*

44 — Милостивый государь! Я уполномочен Его Императорским Величеством, моим государем и повелителем, заявить Вам, что Его Величество весьма недовольны Вами и что я получил строжайший приказ следить за вашей постыдной кликой, окружающей Вас. — *Примеч. пер.*

ministre des affaires étrangères — il est payé pour entendre Vos importunités.⁴⁵

После такого диалога о соглашении не приходилось говорить.

Посетив на другой день Ионина, я был поражен тем раздраженным тоном, с которым он говорил о князе, критиковал его и вообще отзывался о нем неодобрительно, рассказывал, что князь будто бы тайком вывез из Софии несколько подвод с золотом, что болгары, особенно Драган Цанков, сами недовольны князем и подумывают о его замене. Даже за обедом в присутствии своей молодой жены, красавицы черногорки, Ионин все время говорил о князе, но ни разу словом не обмолвился о генерале Соболеве.

Переговорив вечером со знакомыми офицерами, служившими в Софии с 1873 года, для меня стало ясно, что болгары, в первую очередь Драган Цанков, твердо решили использовать это недоразумение для ускорения восстановления Тырновской конституции. Руководство всем этим принял на себя Драган Цанков, который, с одной стороны, уговаривал князя смело идти этим путем,

---

45 — В таком случае извольте обратиться к министру иностранных дел. Ему платят, чтобы он выслушивал Ваши нелепости. — *Примеч. пер.*

а с другой, уверял Соболева, что болгары будут с ним, и князь вынужден будет уступить.

Соболев поверил, пошел напролом и быстро осекся.

Действительно, когда некоторое время спустя князь просил Соболева оставить свой пост ввиду невозможности соглашения между ними, Соболев ответил, что покинет свой пост только тогда, когда получит на то указание из Петербурга.

Тогда князь призвал Драгана Цанкова, объявил ему о своем твердом намерении отказаться от дарованных ему полномочий и восстановить действие Тырновской конституции и повелел объявить о созыве Великого народного собрания.

Даже когда Великое народное собрание состоялось, Соболев все еще думал, что болгары пойдут с ним, и только когда князь прочел свой манифест и предложил депутатам вновь присягнуть конституции, он увидел, что первым поднялся Драган Цанков, и подошел к кресту и Евангелию, а за ним и все депутаты.

Простым восстановлением Тырновской конституции сама собою упразднилась созданная на основании Особых полномочий должность первого министра, и Соболев, неожиданно для себя, оказался в положении частного лица.

Пришлось запросить Петербург, откуда пришел ответ: «Обоим немедленно выезжать».

Вслед за тем был отозван и Ионин.

В Софию прибыл с особыми полномочиями флигель-адъютант барон Н. В. Каульбарс (брат военного министра), который восстановил нормальные отношения и заключил новую военную конвенцию, одним из параграфов которой половина всех ротных командиров заменялась болгарскими офицерами. Военным министром был назначен Генерального штаба генерал-майор князь Кантакузен.

Не сбылась мечта князя Александра обвенчаться с дочерью великого князя Михаила Николаевича⁴⁶ Анастасией Михайловной. Против этого высказалась княгиня Ольга Федоровна и упростила императора Александра III не давать согласия на брак.

---

⁴⁶ Великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) — четвертый сын императора Николая I и его супруги Александры Федоровны; военачальник и государственный деятель. Получил военное образование с уклоном в артиллерийское дело; генерал-адъютант. С 1852 г. — генерал-фельдцейхмейстер, участвовал в Крымской войне, награжден орденом Св. Георгия IV степени. В 1878 г. — генерал-фельдмаршал. С 1862 по 1881 г. занимал должность наместника Кавказа и командующего Кавказской армией. В 1864 г. был награжден орденом Св. Георгия II, а в 1877 г. — I степени. С 1881 по 1905 г. являлся председателем Государственного совета.

В октябре этого же года, сразу же по возвращению в Филиппополь, отправляя донесение, я приложил письмо на имя генерал-адъютанта Обручева, в котором, как всегда откровенно, изложил отдельно все слышанное от самого князя и отдельно — все слышанное от близких мне людей и мною проверенное. Считал положение настолько серьезным, что позволил себе указать на необходимость подумать о заместителе князя Александра, так как после всего совершившегося он всегда будет настороже в отношении нашего представителя в Софии.

В Восточной Румелии в течение 1883 года также последовал ряд перемен: начальник милиции Штреккер-паша был отозван в Константинополь. Очень хотел получить это место командовавший в Мустафе-паше Мегмед-Хюлюсси-паша, отлично говоривший по-русски и владевший крупной земельной собственностью под Старой Загорой. Мегмед-Хюлюсси-паша был родом черкес, уроженец Кавказа, и принадлежал к сословию владетельных беков и на Кавказе носил имя Мегмед-Хан-Бек-Улусийский, служил в наших войсках до чина полковника. За бой под Кюрюк-дара в 1853 году был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». В 1873 году, как он сам выразился, будучи кровно обиженным помощником наместника по гражданскому

управлению, просил у государя разрешения покинуть Россию и, получив таковое, эмигрировал в Константинополь, где вступил в ряды турецкой армии, участвовал в войне против нас, но продолжал носить на турецкой сабле наш георгиевский темляк. Два его сына остались в России и получили военное образование в кадетских корпусах. После войны женился на богатой турчанке, владевшей крупной земельной собственностью в Старо-Загоровской префектуре, а чтобы закрепить владение всею ее собственностью, выписал из России своего младшего сына и женил его на ее дочери. С самого заключения мира Мегмед-Хюлюсси-паша очень дружелюбно относился к нам, радушно принимал наших офицеров, подолгу с ними беседовал и просил, чтобы они, проезжая через Мустафу-пашу, непременно заходили к нему.

Командуя пограничными в Восточной Румелии частями, он не допускал никаких грабежей и дружелюбно относился к болгарам. Казалось бы, что такой кандидат подходил по всем статьям и соответствовал нашим интересам, но министерство иностранных дел категорически высказалось против его назначения, мотивируя свой отказ тем, что нельзя допустить прецедента по назначению магометанина на должность начальника Восточно-Румелийской милиции.

Выбор остановился на генерал-лейтенанте фон Дрыгальском-паше, родом пруссаке, много лет уже состоявшим на турецкой службе, бывшем флигель-адъютанте султана.

С Дрыгальским-пашой у нас сразу установились хорошие отношения. Он много писал, был со всеми отменно любезен.

Я всегда ему был благодарен за подаренную фотографию императора Александра II, поясную, в половину натуральной величины, лучшую из всех, имеющихся у меня.

В первой же половине 1883 года был отозван наш генеральный консул Кребель, а на его место прибыл старший советник Сорокин, бывший несколько лет консулом в Тульче.

Мы с ним поддерживали хорошие отношения, и этого было совершенно достаточно, дело оказалось прочно налажено, работа наших офицеров шла успешно, а во всех серьезных делах я имел поддержку в лице нашего нового посла в Константинополе А. И. Нелидова.

Убыл в Софию Иван Евстратьев Гешев, бывший все годы председателем Областного собрания и Постоянного комитета. В Софии он был назначен директором Болгарского государственного банка.

В 1884 году истекли пятилетние полномочия князя Вогориди, и предстояло избрание нового

генерал-губернатора державами, подписавшими берлинский трактат.

Выбор пал на Крестовича, состоявшего пять лет генеральным секретарем Восточной Румелии (соответствовал министру внутренних дел).

Несмотря на его скромность, на некоторую, я бы сказал, «бесцветность», за князем Вогориди остается по отношению к болгарам одна крупная заслуга — он сразу принял точку зрения, что Восточная Румелия есть часть Болгарии, упорно отстаивал перед Портой интересы болгар, несмотря на все неприятности, иногда даже угрозы.

Новый генерал-губернатор Крестович всю жизнь до создания Восточной Румелии провел на турецкой службе, имел связи в Порте, но в душе остался турецким чиновником и большой самостоятельности от него нечего было и ждать.

Находясь весной 1884 года в Петербурге, я еще раз откровенно доложил генерал-адъютанту Обручеву, в какой обстановке протекает моя служба в Восточной Румелии, что налаженный порядок прочно установился, милиция готова слиться в одно целое с болгарской армией, и просил отозвать меня при первой возможности.

Просьба была уважена через год, и в начале 1885 года я был отозван в Петербург.

На мое место был командирован Генерального штаба подполковник М. М. Чичагов.

После моего отъезда Восточная Румелия просуществовала всего лишь один год. В 1886-м, ко времени возникновения болгаро-сербской войны, она присоединилась к Болгарии. Тотчас же была объявлена мобилизация и в 24 часа явились под ружье 95 600 человек, которые на третий день подошли к Софии, совершив переход в 250 верст.

В этой поразительной мобилизации сказались результаты работы наших офицеров в милиции и, в особенности, в гимнастических дружествах.

Описывая первые годы самостоятельной жизни Восточной Румелии, я совершенно не коснулся вопроса о железных дорогах, а между тем этот вопрос заслуживает особого внимания.

Еще в царствование Абдул-Азиса концессия на постройку железных дорог в пределах Европейской Турции была предоставлена австрийскому банкиру барону Гиршу, который обязался построить магистраль Константинополь — Адрианополь — Филиппополь — Татар-Базарджик — София, и от этой магистрали отходила отдельная ветка к портам Черного, Мраморного, Эгейского морей и вглубь страны к главнейшим городам.

Представленный бароном Гиршем проект сети будущих железных дорог действительно удовлетворял экономическим нуждам страны, и концессия была ему предоставлена.

Когда же дело дошло до проведения проекта в

жизнь, то, благодаря умению барона Гирша ладить с великими визирями и Портой, были построены только те дороги, которые являлись выгодными для Гирша. Так, например, главная магистраль от Константинополя через Адрианополь — Филиппополь была доведена только до Татар-Базарджика. От Татар-Базарджика была построена лишь ветка до Белой Горы — богатейшему лесному району во всей Европейской Турции. По негласному соглашению с Портой барон Гирш эксплуатировал эти леса в свою пользу, и целые поезда, нагруженные выделанной древесиной, ежедневно отправлялись на Константинополь и далее в Австрию.

Из боковых линий была построена ветка от Люле-Бургаса до Новой-Загоры и там приостановлена.

Тарифы были высоки настолько, что вывезенный из Румелии хлеб, доехав до Константинополя, уже стоил вдвое дороже, чем доставляемый из других стран.

Барон Гирш пользовался особым покровительством не только Великого визиря, но и австро-венгерского посла в Константинополе.

По Берлинскому трактату право постройки железных дорог было оставлено исключительно за турецким правительством. При этом Турция обязалась войти в специальное соглашение с

Австро-Венгрией, Сербией и Болгарией для соединения своих железных дорог с австро-венгерской сетью через Сербию в Болгарию.

Несмотря на заверения австро-венгерского посла в Константинополе, что Восточной Румелии не будет дозволено вмешиваться в вопрос о железных дорогах, по первому запросу депутата Величко о том, что намерено предпринять Восточно-румелийское правительство для урегулирования железнодорожных тарифов, барон Гирш из Вены по телеграфу приказал понизить все тарифы на 50 процентов.

Когда же австрийское правительство стало настаивать на заключении железнодорожной конвенции и дважды приглашало заинтересованные стороны на совещание в Вену, все его усилия разбились об изворотливость турецких делегатов. Казалось, все договорено, а санкции из Константинополя получить не могут. Решили взять султана хитростью.

Путешествовавший в то время на восток наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Рудольф должен был возвращаться в Вену через Константинополь. Австро-венгерский посол барон Каличе испросил согласия Абдул-Гамида на проезд эрцгерцога через Константинополь и получил любезный ответ султана:

— Да, но при одном условии, что по

прибытии в Дарданеллы эрцгерцог будет моим гостем и пересядет на мою яхту «Махмудис», которая затем доставит его в Варну.

Посол был в восторге.

На другой день по всей Пере продавцы газет выкрикивая «Stamboul, la Turquie» добавляли: «Кризис в министерстве, Кучук Саид подал в отставку со всеми министрами, отставка принята».

Все были поражены, так как Кучук Саид был самым выдающимся государственным деятелем и пользовался неограниченным доверием султана.

Загадка скоро разъяснилась. В тот же день яхта «Махмудис» остановилась против дворца Дольмабахче, и эрцгерцог Рудольф сошел на берег. Благодаря султана за радушный прием и передавая приветствие от императора, эрцгерцог вручил султану письмо Франца-Иосифа и добавил, что император рассчитывает на то, что Его Величество вручит свой ответ ему, эрцгерцогу.

Абдул-Гамид, прочитав письмо, сказал:

— Я бы с величайшим удовольствием исполнил желание императора, но я лишен возможности это сделать сегодня, так как остался без министров. Обещаю, как только составитя новое министерство, прислать Его Величеству ответное письмо.

Затем последовал парадный обед и вечером эрцгерцог Рудольф отбыл в Варну, не получив

желанной подписи султана.

А на другой день в Пере снова раздавались крики: «Кучук Саид согласился вновь составить министерство», и пресловутая железнодорожная конвенция так и осталась навсегда неподписанной. Осталось также тайной, кто предупредил султана о предстоявшем вручении ему письма императора Франца-Иосифа.

В то самое время, когда австрийское правительство так настойчиво добивалось подписания договора о железных дорогах, имея главным образом цель связать свою сеть дорог с турецкой, ко мне зашли два бельгийских инженера, де Серр и Ронна, и сделали предложение: минуя Австрию, связать нашу железнодорожную сеть от Унген через Румынию — Дунай (в том месте, где был наш военный мост) через Болгарию — Балканский хребет (Хаинский проход) — Шипку на Старую Загору — Новую Загору, где новый путь соединился бы с турецкой сетью.

При этом де Серр и Ронна указали, что необходимый капитал в 150 миллионов франков уже обеспечен, произведена нивелировка Хаинского прохода, который оказался вполне удобным, и прорытие тоннеля не доставит особенных технических трудностей и может быть закончен в два года. Главная проблема — это сооружение моста через Дунай, на которое

потребуется четыре года, а временно его будет заменять паровой паром.

В заключение добавили, что хотя капиталы имеются, но без русских они этого предприятия провести не могут, а потому предлагают, чтобы в кампанию вошли русские инженеры в какой угодно доле, лишь бы получить поддержку нашего правительства. По первому заявлению они готовы приехать в Петербург со всеми полномочиями от командировавшего их общества.

Все это я подробно донес генерал-адъютанту Обручеву, испрашивая указаний, но, потому ли, что мы были связаны Берлинским трактатом, или по иным каким причинам, в Петербурге к этому проекту отнеслись равнодушно и я никаких указаний не получил. Небезынтересно в этом деле то, что де Серр и Ронна состояли инженерами кампании австрийской Зюд-Бан.

Остается сказать еще об одном из благодатных сокровищ Восточной Румелии, да и всей Болгарии. Это природные горячие источники.

В Восточной Румелии я лично видел такие источники под Сливной, в Чирпане, Гиссаре в предгорьях Малых Балкан, в 50 верстах от Филиппополя, где моя семья проводила обычно июль и август месяцы, в Пиштере, в Новой Загоре и других местах.

В другой стране эти источники служили бы

доходной статьей и обогащением местного населения. Но турецкое правительство, считая, что вода от Аллаха, не допускало мысли, чтобы за пользование этими источниками можно было бы взимать какую-либо плату. Более того, они все были оборудованы банями-бассейнами для купания.

Так как устройство бассейнов везде одинаково, опишу подробно бани на Гиссаре.

Местечко Гиссар расположено в предгорье Малых Балкан. Оно окружено лужайками и местами крупным гравием. По лужайкам всюду протекают ручейки, русло которых и трава в них черные как уголь, вода же в ручейках светлая, чистая, совершенно горячая.

В крупном гравии много луж правильной круглой формы, диаметром от трех до четырех аршин; дно от краев к середине покатое, в центре глубина не более аршина и из центра каждой лужи непрерывно поднимаются на поверхность крупные пузыри. Температура воды очень высокая, так что больно в ней держать руку. Тем не менее местные жители привозили к этим лужам больных, особенно тех, кто страдал ревматизмами, разрывали гравий, клали на него больного и держали его в этой горячей воде по полчаса и более, затем укутывали в шубу и увозили домой. Так повторяли ежедневно до полного выздоровления.

Сами же бассейны расположены на расстоянии 30–35 шагов друг от друга, в каменных домиках. Длина бассейна шагов 30–35, ширина 10–15. Глубина — по грудь человека среднего роста. Вокруг — широкая каменная площадка, устилаемая циновками. В воду сходят по каменным ступенькам, на которых можно сидеть.

Во всех бассейнах вода проточная, она постоянно поступает в емкость и свободно вытекает из нее. Ночью бассейны запираются, закрывается труба, спускается вода, дно и стены бассейна тщательно моются и снова наполняются. Температура воды в каждом различна. Самый горячий и самый всеми любимый «Хавуз» — 52 °C или 41,6 °R (градусы по шкале Реомюра. — *Примеч. ред.*).

Целебное действие удивительное. Я видел, как привозили больных, совершенно скрюченных, с распухшими коленями, локтями, их на простыне опускали в воду, держали минут пять, причем некоторые кричали от боли, вынимали на циновку и укрывали. Через полчаса опять опускали на пять минут — и так до трех раз. Дня через четыре такого больного сводили по ступенькам под руки, а через неделю больной уже сам ходил. Наибольший срок такого ежедневного купания — две недели.

Остуженная вода «Хавуза» очень вкусная. «Мамуз» — почти такой же горячий, как и Хавуз,

но почему-то им мало пользовались и никогда о нем не говорили.

«Квачез» — 43,5 °C или 36,5 °R — единственный, в котором вода была слегка грязной, но она исцеляла кожные болезни. И, наконец, «Инджес» — 42 °C или 32 °R — единственный, в который я решился входить и иногда даже плавал. Вода — как горный хрусталь. Но местные жители уже считали его недостаточно горячим, а купанье в нем было для них забавой, а не лечением.

Единственное ограничение в пользовании банями — строгое разграничение мужских и женских часов. Посетители платили только за кофе.

Спустившись с плато, мы подходили прямо к месту, называемому Бетп-Бунар (пять колодцев), на котором действительно было пять колодцев с великолепной, холодной ключевой водой.

Здесь была гостиница с совсем примитивной обстановкой, но с очень услужливым хозяином-поляком, паном Мокринским, который вдобавок сам отлично готовил и очень вкусно нас кормил.

Когда-то пан Мокринский был ротмистром в турецком уланском полку, сформированном Садык-пашой Чайковским и в котором все офицеры были из поляков эмигрантов.

По расформировании полка офицерам-полякам пришлось искать заработка, пан

Мокринский обосновался на Гиссаре и существовал, по-видимому, безбедно.

В 1886 году⁴⁷ Болгария объявила войну Сербии. Как только известие об этом достигло Петербурга, государь император отдал приказ об исключении князя Александра из списков русской армии и повелел немедленно отозвать всех русских офицеров, находившихся в болгарских войсках.

К счастью, война была непродолжительна. В первом же бою, под Сливницей, сербская армия потерпела поражение и начала быстро отступать.

От дальнейшего разгрома сербов спасло вмешательство состоявшего при короле Милане⁴⁸ австрийского военного уполномоченного, графа Ковенгюллера, который выехал навстречу князю Александру и потребовал немедленного прекращения преследования и заключения мира, грозя в противном случае вступлением австрийских войск в пределы Сербии. Мир был тотчас же

---

⁴⁷ Автор ошибается — отзыв русских генералов и офицеров из болгарской армии произошел в 1885 г., тогда же последовал разрыв с князем Александром I Болгарским.

⁴⁸ Точнее, князем Сербским Милане, главнокомандующим Сербской армией. Королем Сербии был его сын Александр, позднее убитый вместе с королевой Драгой.

заклучен.

Вслед за этим князь Александр издал манифест к своему народу, в котором объявил, что, утратив благоволение русского царя, он не считает возможным оставаться князем и отрекается от престола.

После отречения он тут же покинул пределы Болгарии.

Этим закончился первый период наших взаимоотношений с Болгарией.

В этот период, помимо обычных дипломатических отношений, мы через наших офицеров-инструкторов принимали непосредственное участие в ее внутренней жизни, создавали ее военную силу и тем прочно обеспечивали ее самостоятельность и процветание в будущем.

От нас зависело создание прочной нравственной и экономической связи, и затем, примирив болгар с сербами, мы должны были помочь им полюбовно размежеваться в Македонии, довести их до союза балканских держав, сделать их проводниками нашей славянской идеи на Ближнем Востоке. При этом определенно указать на неотъемлемое право в будущем на владение Константинополем и проливами.

Выполнение изложенного требовало назначения в Софию лучших представителей как от

министерства иностранных дел, так и от военного.

О том, что это было упущено, лучше всего говорят цифры: с 1878 по 1886 год в Софии сменились пять дипломатических агентов и пять военных министров. В Филиппополе — три генеральных консула, не считая тех промежутков времени, когда должность оставалась вакантной, и генеральным консульством заправляли молодые секретари.

Глава III

Прибыв в Петербург в феврале 1885 года и доложив обо всем генерал-адъютанту Обручеву, я обратился к нему с личной просьбой — ввиду болезненного состояния моей жены предоставить мне возможность пожить на месте, без постоянных разъездов.

Просьба была удовлетворена, и я был назначен в Москву штаб-офицером для поручений при штабе Московского военного округа,⁴⁹

---

⁴⁹ Московский военный округ образован в 1864 г., управление — в Москве. В территорию округа входили 12 губерний (Владимирская, Вологодская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская), с 1888 г. к ним добавились еще две — Воронежская и

причем, отпуская меня, генерал-адъютант Обручев добавил:

— За два года ручаюсь, а там посмотрим.

С назначением в Москву характер моей службы совершенно изменился. В первую очередь предстояло отбыть строевой ценз, и с первого октября 1885 года я вступил в командование 1-м батальоном 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка.⁵⁰

Каждый строевой офицер поймет мое волнение, когда после десятилетнего пребывания вне строя я впервые выехал перед батальоном, и в голове неотступно стоял вопрос: сумею ли при поворотах скомандовать под левую ногу или собьюсь с такта, скомандовав под правую. К счастью, все вышло без осечки, и мое семеновское самолюбие не было задето. Но приходилось быть начеку, лейб-гренадерский Екатеринославский полк исстари славился своей строевой выправкой, и

Орловская.

⁵⁰ 1-й лейб-гренадерский Екатеринославский императора Александра II полк сформирован в 1756 г. как 3-й гренадерский полк. С 1785 г. — Екатеринославский гренадерский полк. С 1864 г. — 1-й лейб-гренадерский Екатеринославский Его Величества полк. В 1914 г. входил состав в 1-й гренадерской дивизии. Дислокация — Москва.

командиром его в то время был блестящий Герман Борисович Прокопе.

В Москву я прибыл в мае 1885 года, когда все войска и штаб округа находились в лагере на Ходынском поле.

Помню, как меня поразило пребывание в лагере офицерских семей, еженедельные танцевальные вечера, иногда даже театральные представления в летнем окружном офицерском собрании.

Офицерские полковые собрания, недавно введенные в полках, для меня были новостью. Они, несомненно, явились главным фактором улучшения быта офицеров, значительно удешевили их жизнь, особенно стол и, предоставив офицерам хорошее помещение, в котором каждый чувствовал себя как дома и пользовался такими удобствами, каких в отдельности редко кто мог бы себе предоставить, способствовали сплочению офицерской семьи.

Хотя для офицерских собраний существовал один нормальный устав, которым, помимо служебных занятий, предусматривались семейные вечера, бесплатные спектакли, некоторые полки ввели у себя известные ограничения. Так, в нескольких полках, в том числе и в лейб-гренадерском Екатеринославском полку, постановлением общества офицеров дамы совершенно не допускались в полковое собрание.

Это правило настолько вошло в жизнь и никогда не нарушалось. Так, в одно из своих пребываний в Москве император Александр III, пройдя с императрицей пешком по Кремлю, были застигнуты сильным дождем. Их Величества остановились под крышей подъезда офицерского собрания лейб-гренадерского Екатеринославского полка. Швейцар мгновенно открыл двери, но государь сказал, что они не войдут. Швейцар бросился наверх и доложил офицерам, что Их Величества стоят под дождем. Находившиеся в собрании офицеры сбежали вниз и просили Их Величества осчастливить полк заходом в собрание. Императрица Мария Федоровна уже было сдалась, но государь остался непоколебим и, улыбаясь, сказал:

— Нет, Мари, тебе не полагается войти в их собрание, и мы постоим тут. Не упрашивайте, господа, ваше постановление не должно быть нарушено.

Так и простояли, пока дождь не утих.

Осенью того же года я перевез семью из Петербурга, и мы поселились на Смоленском бульваре, в Полуэктовском переулке, у церкви Неопалимой Купины.

Не бывав раньше в Москве, я с недоумением подошел к дому, в который меня направили. Дом был деревянный, бревенчатый и, на мой

петербургский взгляд, совершенно неподходящий для нас. И только когда вошел внутрь, увидел комнаты и окна, выходящие в сад, понял всю прелесть этого дома и тотчас же нанял квартиру — семь комнат за семьсот пятьдесят рублей в год. Правда, далековато было до Кремля, где стоял 1-й батальон лейб-гренадерского Екатеринославского полка, но зато жилось нам в этой квартире очень хорошо. У нас были близкие знакомые в Москве, которые приняли нас как родных, сразу ввели в свой круг и создалось такое чувство, будто мы уже давно здесь живем. Да и сама Москва своей красотой, своей стариной невольно привлекала к себе.

Особенно радушно принял меня командующий войсками граф Бреверн-Делагарди,⁵¹ расспрашивал подробно о моей заграничной службе, а главное, предоставил мне читать книги, которые он получал в огромном количестве, как русские, так и из-за границы, без цензуры.

Спокойная жизнь в Москве благотворно сказалась на здоровье жены, быстро оправившейся

---

⁵¹ Генерал от инфантерии граф А. И. Бреверн-де-Лагарди с мая 1879 по август 1888 г. был командующим Московским военным округом.

после рождения сына в феврале этого же года.

1 октября я вступил в командование батальоном, вошел во все подробности внутренней жизни полка, по поручению командира вел тактические занятия с офицерами и в течение зимы сделал несколько сообщений.

Я скоро понял, что строевое обучение и воспитание части — родное мне дело, и все же сознаюсь, что временами чувствовал, насколько сузилось мое поле деятельности, и что я стал как бы меньшим человеком.

В период лагерного сбора все смотры прошли очень удачно. В это лето впервые в нашей армии были введены подвижные сборы.

На первый раз решено было произвести подвижной сбор в гренадерском корпусе. 52 Корпусу был представлен район: для 1-й гренадерской дивизии⁵³ Московского, Вере́йского,

---

⁵² Гренадерский корпус сформирован в 1814 г. в составе 1, 2 и 3-й гренадерских дивизий. Впоследствии его состав неоднократно менялся. Входил в состав войск Московского военного округа.

⁵³ 1-я гренадерская дивизия сформирована в 1811 г. В 1914 г. состав дивизии: 1-й лейб-гренадерский Екатеринбургский императора Александра II, 2-й Ростовский Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича, 3-й Перновский короля

Можайского и Серпуховского уездов Московской губернии, Боровского и Тарутинского — Калужской губернии, 2-я⁵⁴ и 3-я⁵⁵ Гренадерские дивизии продвигались с юга по направлению на Серпухов.

Фридриха-Вильгельма IV и 4-й Несвижский генерал-фельдмаршала князя Баркляя-де-Толли полки, 1-я гренадерская генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийская бригада. Расформирована в 1918 г.

⁵⁴ 2-я гренадерская дивизия сформирована в 1811 г. В 1914 г. состав дивизии: 5-й гренадерский Киевский Его Императорского Высочества наследника цесаревича, 6-й гренадерский Таврический генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича, 7-й гренадерский Самогитский генерал-адъютанта графа Тотлебена и 8-й гренадерский Московский великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха полки, 2-я гренадерская артиллерийская бригада. Расформирована в 1918 г.

⁵⁵ 3-я гренадерская дивизия сформирована в 1814 г. В 1914 г. состав дивизии: 9-й гренадерский Сибирский генерал-фельдмаршала великого князя Николая Николаевича, 10-й гренадерский Малороссийский генерал-фельдмаршала графа Румянцева, 11-й гренадерский Фанагорийский генералиссимуса князя Суворова, ныне Его Императорского Высочества великого князя Дмитрия Павловича и 12-й гренадерский Астраханский императора Александра III полки, 3-я гренадерская артиллерийская бригада. Расформирована в 1918 г.

Подвижной сбор продолжался 33 дня и закончился двухсторонним маневром в окрестностях Серпухова.

Производство малых маневров ежедневно на новых местах внесло большое разнообразие, оживило занятия; с переходом же в Калужскую губернию, к этому прибавились торжественные встречи нас населением, по много лет не выдавшем войск. Когда войска входили в город, жители стояли по пути, имея при себе кадки, полные огурцов и наделяли каждого солдата двумя-тремя огурцами.

Занятия в районе Боровска продолжались пять дней. 30 августа в городской роще было народное гуляние, поражали степенность всех гуляющих, как старых, так и молодых. Помню, как меня подвели к намеченной мне квартире в доме богатого огородника, как хозяин вышел на крыльцо, стоял, смотрел на меня, но в дом не приглашал. Становилось даже неловко. Наконец, решился и спросил:

— Вы табак принимаете?

На мой ответ, что я никогда не курил, хозяин просиял и стал просить:

— Пожалуйста, пожалуйста, дорогим гостем будете, — и ввел меня в лучшую комнату, уставленную по стенам старинными иконами в богатых ризах, украшенных жемчугом и

самоцветными камнями, в темного дерева киотах, и добавил:

— Если куда угодно поехать, скажите только слово — подам доброго рысака.

От Боровска дивизия продвигалась в направлении на село Граково, расположенное на левом берегу Нары, составлявшее предместье Тарутина.⁵⁶

Жители сел Гракова и Тарутина встретили нас крестным ходом с хоругвями и с образами, причем рассказывали, что в их губернии не было войск с 1837 года. В этот же год жители Тарутина, узнав, что Тарутинский полк⁵⁷ вызывается в Петербург, отправили депутацию к императору Николаю

---

⁵⁶ Тарутино — село Боровского уезда Калужской губернии (ныне Жуковского района Калужской области). 6 (18) октября 1812 г. севернее Тарутино произошло сражение между частью сил русской армии и авангардом Великой армии. В память сражения в 1813 г. из половины Московского гарнизонного полка был сформирован Тарутиинский пехотный полк.

⁵⁷ 67-й пехотный Тарутинский великого герцога Ольденбургского полк сформирован в 1811 г. как Тарутинский пехотный полк. С 1864 г. — 67-й пехотный Тарутинский великого герцога Ольденбургского полк. В 1914 г. входил в состав 17-й пехотной дивизии 14-го армейского корпуса. Дислокация — Ковель.

Павловичу, упросить, чтобы было повелено направить полк через Тарутино и пробывать в нем хотя бы день. Ходатайство жителей было уважено, полк прошел через Тарутино и имел в нем дневку.

Богатейшее село Тарутино, свыше девятисот дворов, расположено на правом берегу р. Нары. Во время Отечественной войны 1812 года село принадлежало сыну фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского молодому графу Румянцеву, жившему постоянно в Париже и не посещавшему своего села. По окончании войны в память Тарутинского боя крестьяне выпросили себе несколько орудий из захваченных у французов и за свой счет соорудили при селе богатый памятник, красующийся по сей день.

Когда молодой граф узнал о поступке своих крестьян, то тотчас же приехал в село, благодарил крестьян, всем дал вольную, подарил им все земли, прилегающие к селу и уже за свой счет обнес памятник богатой оградой.

Занятия в районе Тарутина — Гракова продолжались целую неделю. Шла молотьба, и солдаты в свободное от занятий время принимали в ней самое деятельное участие, все время царило общее веселье. Молодые бабы и девушки весело болтали с солдатами, перебрасывались шутками, целовались даже, но ни одна не перешла известной границы. Поражало общее довольство, незабитость

баб и детей.

И моя молодая хозяйка взяла слово с денщика, что он не будет покупать хлеба, пока мы стоим у нее, и присылала по утрам чудесные сдобные булочки в глубокой тарелке с горячим топленым маслом.

Большой интерес придавало занятиям умелое руководство начальника 1-й гренадерской дивизии генерал-лейтенанта Н. В. Эллиса, моего первого батальонного командира в Семеновском полку. Уже тогда полки 1-й гренадерской дивизии славились своим умением ходить, были основательно обучены действию в рассыпном строю, ночным действиям в полной тишине.

Сбор закончился двухсторонним маневром корпуса в окрестностях города Серпухова под руководством командира гренадерского корпуса генерал-адъютанта Столыпина.

В марте 1887 года в Москве освобожден штаб 13-й кавалерийской дивизии,⁵⁸ и высочайшим приказом 17 марта я был назначен на эту

---

⁵⁸ 13-я кавалерийская дивизия сформирована в 1875 г. В 1914 г. состав дивизии: 13-й драгунский Военного ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха, 13-й уланский Владимирский, 13-й гусарский Нарвский и 2-й Оренбургский казачий полки, 21-я конная батарея 12-го конно-артиллерийского дивизиона.

должность, причем получил телеграмму от помощника начальника Главного штаба: «Поздравляю, ваше желание исполнено, вы остаетесь в Москве».

Мы с женой были очень обрадованы этим назначением. Но уже в Благовещенье, когда мы вернулись около полудня домой, денщик доложил, что приходили два раза от начальника штаба округа, ему необходимо меня видеть.

На другой день в 8 часов утра я уже был у генерал-лейтенанта Духовского,⁵⁹ который тотчас же показал мне расшифрованную телеграмму начальника Главного штаба: «Во сколько дней может 13-я кавалерийская дивизия выступить на австрийскую границу? Прошу до времени сохранить в секрете. Обручев».

На вопрос о сроке готовности я тотчас же ответил:

— Согласно мобилизационному плану будем готовы на третий день. Но как же сохранить в секрете мобилизацию, которую необходимо тотчас же начинать, как же не поставить в известность семьи, остающиеся дома?

Было решено командировать в Главный штаб

---

⁵⁹ Генерал-лейтенант С. М. Духовской с мая 1873 по март 1895 г. был начальником штаба Московского округа.

старшего адъютанта штаба дивизии, чтобы получить точные указания. Через два дня пришла вторая телеграмма: «Мобилизацию отложить до особого приказания».

Дивизия была чрезвычайно широко расквартирована: штаб — Москва, 37-й драгунский Военного ордена полк — Гжатск (Смоленской губернии); 38-й драгунский Владимирский полк⁶⁰ — Коломна, 39-й драгунский Нарвский⁶¹ — Муром (Владимирской губернии); 2-й

---

⁶⁰ 13-й уланский Владимирский полк сформирован в 1701 г. как драгунский полковника Жданова полк. С 1864 г. — 13-й уланский Владимирский Его Императорского Высочества великого князя Михаила Николаевича полк, с 1882 г. — 38-й драгунский того же шефа, с 1907 г. — вновь 13-й уланский Владимирский. В 1914 г. входил в 1-ю бригаду 13-й кавалерийской дивизии. Дислокация — Ново-Минск.

⁶¹ 13-й гусарский Нарвский полк сформирован в 1705 г. как драгунский подполковника Пестова полк. С 1864 г. — 13-й гусарский Нарвский Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича полк, с 1882 г. — 39-й драгунский того же шефа, с 1907 г. — 13-й гусарский Нарвский Его Императорского королевского Величества императора Германского короля Прусского Вильгельма II полк. В 1914 г. входил во 2-ю бригаду 13-й кавалерийской дивизии. Дислокация — Седлец.

Оренбургский казачий полк 62 — Нижний Новгород.

Специально-кавалерийский сбор дивизия отбывала под Москвой. Широкое расквартирование давало возможность во время передвижения на специально-кавалерийский сбор и обратно широко вести с офицерами тактические занятия в поле благодаря указаниям и личному руководству двух выдающихся начальников дивизии генерал-лейтенантов Кульгачева и Скобельцина, от которого и принял дивизию Николай Егорович Мейкендорф.

Специально-кавалерийский сбор 1887 года мы отбыли под Москвой, но уже в августе было получено уведомление, что 22 июля государю императору благоугодно было утвердить нормальную дислокацию 13-й кавалерийской дивизии: штаб и 37-й драгунский Военного ордена полк — Люблин; 38-й драгунский Владимирский — Влодава; 29-й драгунский Нарвский — Грубешов; 2-й Оренбургский казачий — Холм. Стоянки 20-й и 22-й конных батарей⁶³ припомнить не могу.

---

⁶² 2-й Оренбургский казачий воеводы Нагого полк сформирован в 1882 г. В 1914 г. входил во 2-ю бригаду 13-й кавалерийской дивизии. Дислокация — Варшава.

⁶³ 20-я конно-артиллерийская батарея сформирована в

В октябре началась перевозка частей и закончилась к пятому ноября. Стоянки не были обследованы и располагаться на них зимою было крайне тяжело, особенно во Влодаве и в Грубешове.

Во Влодаве только для командира полка нашлась квартира в четыре комнаты, которую, однако, полковник Винтулов тотчас же отдал под офицерское собрание, а сам взял предназначавшуюся под собрание из трех маленьких комнат, настолько сырую, что за диваном в ней водились лягушки. Эскадроны стали по фольваркам в расстоянии от полкового штаба от пяти и до десяти верст.

Только часть эскадронных командиров имели квартиры с деревянными полами, остальные все с земляными. Не лучше обстояло дело и в Грубешове. Город Грубешов отстоял от железной дороги на 50 верст из них только 27 верст — шоссе, а остальные 23 версты грунтовой, лесной дороги по черноземью, в ненастье становившейся непроезжей. Сам город был немощеный, грязь на улицах так глубока, что подводы, приезжавшие осенью на базар, увязали по ступицу, и если случался мороз, то выехать уже было нельзя, лошади или волы

1875 г., 22-я конно-артиллерийская батарея сформирована 28 сентября 1794 г. как 2-я конная рота. Обе батареи входили в 10-й конно-артиллерийский дивизион.

выпрягались, подводы же оставались до следующей оттепели.

Но благородство начальника дивизии, удачный подбор командиров, бодрое настроение в частях преодолели все препятствия и сделали то, что не только занятия шли успешно, но и общественная жизнь офицеров не замерла.

На Масленницу в офицерских собраниях состоялись танцевальные вечера, на которые офицеры прибывали верхом в полушубках, надев поверх новых рейтуз старые, смазные сапоги на ногах, а лакированные в чехлах на седле или у вестового. По приезде, под лестницей Собрания, в приспособленном чулане переодевались, танцевали и ужинали до утра, и затем, вновь переодевшись, уезжали обратно в эскадроны; некоторые при этом являлись за 30, за 50 верст, всегда веселые, щегольски одетые, никто не жаловался.

Замечательно, что и санитарное состояние в частях не ухудшилось. Но грязь зимою была удручающая. Во Влодаве полковник Винтулов требовал постоянной чистки улиц и навел такой страх на всех, что улицы скребли и чистили целыми днями, сгребая и увозя грязь, потом Влодаву замостили.

Даже в Люблине вопрос с квартирами стоял так остро, что мы с семьей прожили два месяца в гостинице, и только перед самым Рождеством по

просьбе губернатора одна помещица согласилась уехать в деревню и уступила нам квартиру, удержав, однако, две комнаты под свою мебель. Начальник же дивизии так и жил в гостинице, пока не уехал из Люблина вышедший в отставку генерал и тем освободил подходящую квартиру.

Так прожили мы первую зиму в Варшавском округе. Весной стало уже гораздо легче. Помещики, убедившись в строгом внутреннем порядке полка, предоставили лучшие фольварки под стоянки эскадронов, возможно, лучше обставили офицеров, стали отпускать вволю солому, а в Грубешове даже дали разрешение на охоту с борзыми, которых в Нарвском полку насчитывалось 23 полковых и несколько собственных офицерских свор.

В Варшавское округе было сосредоточено пять кавалерийских дивизий, одна отдельная кавалерийская бригада, и намечалось формирование еще одной кавалерийской дивизии.

Командующий войсками генерал-адъютант Гурко особенно любил кавалерию, заботился о ее боевом воспитании и предъявлял к ней большие требования. Все кавалерийские дивизии с нетерпением ждали дня смотра нашей дивизии, ждали и мы этого смотра, знали, что он будет очень строгий и подробный.

Специально-кавалерийский сбор дивизия отбывала в окрестностях Варшавы на

Рембертовском полигоне; полки стояли кругом по деревьям, в расстоянии от Варшавы в 19, 25 и до 40 верст, штаб — 24 версты от вокзала.

Пред смотром генерал-адъютант Гурко вызвал к себе начальника дивизии, командиров бригад, полков, батарей и начальника штаба. Познакомившись со всеми, дал следующие указания:

— Смотр я вам произведу на Повонаковском поле в час дня. Выступите в ночь из обоих штаб-квартир с таким расчетом, чтобы к 8 часам утра прибыть на Беляни; выкормите там лошадей и к часу дня построитесь на Повонаковском поле.

Все было точно выполнено, и в назначенный день в час дня дивизия была выстроена на указанном поле. Смотр состоял из полковых учений всем четверем полкам, затем бригадных учений. Церемониальным маршем генерал-адъютант Гурко пропустил дивизию через стрелковые валы, и когда все легко, стройно преодолели препятствия, сказал начальнику дивизии:

— Церемониальный марш хорош.

По окончании смотра пропустил все части справа по три разомкнутыми рядами, поблагодарил и затем добавил:

— Ну а теперь, барон, выступайте по домам, каждый полк своей дорогой с полной связью между полками.

Смотр продолжался четыре часа. Все присутствовавшие удивлялись, почему не было ни одного серьезного замечания. Ведь еще ни одна вновь прибывающая часть без таковых не уходила со смотра. Дело объяснилось просто. Сев в коляску, генерал-адъютант Гурко тотчас же обратился к своему начальнику штаба Нагловскому:

— Дмитрий Станиславович, немедленно запросите всех кавалерийских начальников, почему мне до сих пор ни одна кавалерийская часть не выводила свыше 11 рядов, а 13-я кавалерийская дивизия представилась в состав 15 рядов.

В постоянной работе незаметно прошли первые два года в Варшавском округе. Благодаря правильной постановке зимних занятий получалась правильная, постепенная втянутость конского состава, полное уравнивание аллюров и съездка эскадронов, дивизия выдерживала все предъявляемые ей требования, не разрушая конского состава. Полки, особенно 38-й и 39-й драгунские, соревновались между собою, перенимая друг у друга все хорошее, и шли дальше по пути усовершенствования. Особенно хорошо были поставлены разъезды особого назначения и конно-саперные команды.

Насколько успешно шли подготовка и втягивание эскадронов, может служить следующий пример: весной 1888 года начальник дивизии

производил эскадронные смотры в 38-м драгунском Владимирском полку. Подъехав к 1-му эскадрону, барон Мейкендорф сказал:

— Эскадрон в блестящем виде, но жирен и, вероятно, мало езжен.

Вспыхнул бедный ротмистр Конради, но проговорил:

— Разрешите показать учение.

Получив в ответ «покажите», ротмистр Конради скомандовал:

— Эскадрон, равнение на середину полевым галопом марш!

И все учение с заездами повзводно, направо кругом, перемену фронта с производством атак провел на полевом галопе, причем не одна лошадь не рванула, не задрала головы. Когда учение было закончено, дыхание у всех лошадей было совершенно свободное, и лишь несколько из них дали заметный пот.

Дивизия попала в Варшавский округ в самый разгар новых веяний в кавалерии. Всем кружили головы нововведения прусского кавалерийского генерала Шмидта, и, с легкой руки Сухотина, у нас в кавалерии появился целый ряд новаторов, которые, чтобы превзойти друг друга, загоняли свои части в течение лета до того, что правильные занятия зимою могли возобновляться лишь под Рождество; самое же драгоценное для одиночной

работы и втягивания лошадей осеннее время пропадало на залечивание. Благородный Мейкендорф не гонялся за дешевыми лаврами, вел обучение дивизии планомерно круглый год, понимая, что в мирное время можно расходовать только проценты, капитал же целиком сохранять на военное время.

Весной 1888 года дивизия перешла на новые стоянки в построенные для полков казармы: штаб и 2-й Оренбургский казачий полк — в Варшаву, 37-й драгунский Военного ордена полк — в Гарволин, 38-й драгунский Владимирский — в Новоминск и 39-й драгунский Нарвский — в Седлец.

К сожалению, казармы строились лишь на штаб полка и на три эскадрона; остальные три эскадрона располагались по фольваркам.

Настоящим экзаменом для дивизии явились большие маневры под Ровно в высочайшем присутствии в 1890 году, маневры войск Варшавского округа против войск Киевского.

Отбывши общий сбор под Варшавой, дивизия была двинута к селению Локачи Волынской губернии, 250 верст в пять переходов и одна дневка перед началом маневра.

Ввиду трудности расквартирования войск, генерал-адъютант Гурко приказал, чтобы при расхождении на ночлеги, кавалерия в первую очередь пропускала бы пехоту, а затем уже сама

следовала на свои места, так что лошади ежедневно оставались под седлом: с пяти-шести часов утра до семи вечера.

Кавалерией Варшавского округа на время маневров командовал Его Императорское Высочество великий князь Николай Николаевич-младший.⁶⁴ На третий день маневра кавалерийские части достигли реки Стыри, которую невозможно пройти вброд. Великий князь обратился к барону Мейкендорфу с вопросом:

— Как быть? Нам крайне важно перейти на тот берег, пока не подошла кавалерия генерала Струкова.⁶⁵

---

⁶⁴ Великий князь Николай Николаевич (младший) (1856–1929) — сын великого князя Николая Николаевича (старшего), внук императора Николая I. В 1873 г. окончил Николаевское инженерное училище, в 1876 г. — Николаевскую академию Генштаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1900 г. генерал от кавалерии. В 1885–1905 гг. генерал-инспектор кавалерии. С 20 июля 1914 по 23 августа 1915 г. и со 2 по 11 марта 1917 г. — Верховный главнокомандующий. С 23 августа 1915 до 2 марта 1917 г. — наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией. В марте 1917 г. уволен со службы. Эмигрировал сначала в Италию, затем переехал во Францию, где и умер.

⁶⁵ Струков Александр Васильевич (1840–1912) — русский генерал. Отличился во время Русско-турецкой войны

Тотчас же была вызвана конно-саперная команда, которая под руководством полковника Иванова с необычайной быстротой из подручного материала: ворот, ставень, заборов и плетней — построила мост, по которому тут же перешла 1-я бригада, ведя лошадей в поводу. Затем был наведен второй мост, и в ночь перешли все остальные полки. Великий князь был в восторге.

В последний день маневров произошло столкновение кавалерии обеих сторон. В атаке участвовали 26 кавалерийских полков, которые так перемешались, что невозможно было их развести.

Тут подъехал уже совсем больной, на маленьком арабском коне на уздечке фельдмаршал великий князь Николай Николаевич-старший⁶⁶ и,

---

1877–1878 гг. В 1878 г. кавалер ордена Св. Георгия IV степени, Свиты Е. И. В. генерал-майор, временно командующий 1-й бригадой 1-й кавалерийской дивизии. После войны командовал различными кавалерийскими соединениями.

⁶⁶ Великий князь Николай Николаевич (старший) (1831–1891) — третий сын императора Николая I. С 1864 г. командующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа и генерал-инспектор кавалерии. Главнокомандующий Дунайской армией в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., награжден орденом Св. Георгия II и I степени. С 1878 г. генерал-фельдмаршал. Из-за ухудшения состояния здоровья, не дождавшись заключения мира с

несмотря на то, что с трудом говорил, проезжая между полками, быстро развел их и направил на фланги сторон, чтобы не мешать развертыванию пехоты.

30 августа состоялся высочайшей парад всем войскам, участвовавшим в маневрах. В строю находилось 124 642 человека и 460 орудий.

Как только Его Величество сел на коня и взвился Георгиевский штандарт,⁶⁷ артиллерия дала залп и вела все время съезда беглый огонь.

31-го была дневка, а на следующий день войска выступили по домам, маршрут был дан от Ровно на линию Варшава — Новоминск — Седлец в девять дней, из них две дневки; переход в среднем 50 верст, а последний 73 версты.

Дивизия выдержала испытание, не оставив ни одной лошади в пути. Лейб-уланы⁶⁸ оставили по

Турцией, подал в отставку и в дальнейшем не принимал активного участия в военной деятельности.

⁶⁷ Имеется в виду штабной флаг главнокомандующего армиями, сшитый из пяти черных и пяти оранжевых полос. Размер его 1 × 1,5 м.

⁶⁸ Автор имеет в виду лейб-гвардии Уланский Его Величества полк, входивший в то время в 3-ю бригаду 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Сформирован в 1817 г. как лейб-гвардии Уланский Его Императорского Высочества

пути обратного следования до 160 лошадей, а начальник 14-й кавалерийской дивизии, 69 генерал-лейтенант Леонтьев, прибыв через месяц по возвращении в штаб-квартиры полков своей дивизии, отдал приказ, что из всей дивизии смог вывести в конном строю лишь пять эскадронов.

Следующий маневр в высочайшем присутствии состоялся в 1892 году в районе крепости Ивангород. Маневр протекал не так гладко, как обыкновенно, чувствовался недостаток энергии в действиях стороны, подходившей к крепости с целью ее захвата. Тем не менее ночной штурм форта «Ванновского», на котором находились Их Величества, представил захватывающую картину. Артиллерийский огонь по наступавшим цепям был доведен до крайнего напряжения. Разгоряченные номера одного из

цесаревича полк. В 1914 г. входил в состав Отдельной Гвардейской кавалерийской бригады. Дислокация — Варшава.

⁶⁹ 14-я кавалерийская дивизия сформирована в 1812 г. В 1914 г. входила в 14-й армейский корпус. Состав дивизии: 14-й драгунский Малоярославский, 14-й уланский Ямбургский, 14-й гусарский Митавский и 14-й Донской казачий полки, 22-я конная батарея 12-го конно-артиллерийского дивизиона.

орудий батареи, вблизи которой стояли Их Величества, при спешном зарядении, очевидно, забыли смочить банник, и, прежде чем номер успел закрыть затвор, последовал взрыв картуза, и ближайшие три номера были тяжело обожжены. Особенно номер с банником, стоявший за орудием, был так сильно обожжен, что упал. Он был в беспомощности и тяжело стонал. Государыня Мария Федоровна тотчас же подошла к нему, опустилась на колени и, положив на них голову раненого, держала его так, пока не принесли носилки. И только когда все трое раненых были уложены на носилки, государь велел отнести их в свой поезд и доставить в госпиталь. Но пока все это устроилось, государыня простояла свыше часу на коленях, держа голову сильно стонавшего обожженного.

На другой день, 30 августа, парад был отменен, но все начальники частей и посредники были приглашены к высочайшему завтраку, музыка не играла.

Провозгласив здравие государя императора, генерал-адъютант Гурко произнес:

— За здравие матушки царицы, сердобольной матери, скорбящей о всех болезнях русского солдата.

Вставая от стола, я взял три конфеты в бумажках с тем, чтобы подарить их приказному второго Оренбургского казачьего полка

Кучугурову, состоявшему при мне вестовым на всех учениях и маневрах. Вручая их Кучугурову, я сказал:

— Вот тебе конфеты с царского стола, попробуй их.

Кучугуров вынул платок и со словами:

— Никак нет, они пойдут домой под образа, — завернул их и спрятал в карман.

Начальником штаба 13-й кавалерийской дивизии я пробыл свыше восьми лет и так сжился с ней, что считаю 13-е число счастливым для себя.

Самое живое, интересное время представлял период специально-кавалерийского сбора, когда от штаба требовалось полное напряжение работы, так как мне, старшему из начальников штабов дивизий, приходилось быть и начальником штаба сборов.

Сбор отбывали, в большинстве, корпусами из 8–10 полков, и даже в случае сбора по дивизиям 13-я кавалерийская дивизия составляла с 3-й гвардейской отдельной бригадой⁷⁰ Сводную 6-ю полковую дивизию.

---

⁷⁰ По-видимому, автор имеет в виду не 3-ю гвардейскую отдельную кавалерийскую бригаду, а 3-ю бригаду 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, включавшую лейб-гвардии Уланский Его Величества и лейб-гвардии Гродненский гусарский полки. Отдельной гвардейской кавалерийской бригадой она стал позднее.

При невольном широком расположении частей в пределах от 5–7 и до 15 верст от учебного поля, чтобы войска имели по возвращении с занятий полный покой, приходилось все задачи на следующий день вручать тут же, на поле, до расхождения частей. Естественно, что штабу приходилось работать и по ночам.

Дивизия славилась успешным участием офицеров в скачках, как Красносельских, так и на частных ипподромах. Особенно отличались офицеры Владимирского и Нарвского полков. Имена корнета Маркозова, штабс-ротмистра Виноградского — владельца Коршуна, корнета Лихачева, штаб-ротмистра Козлова, барона Ренне — владельца Веракса, Апушкина — владельца кобылы Рубии, и другие были известны тогда и в Петербурге, и в Москве, и в Варшаве.

Помню, как однажды в городе Седлец после смотра 39-му драгунскому Нарвскому полку командующий войсками граф Шувалов вошел в полковое собрание и увидел посредине зала огромный стол, сплошь уставленный призами, взятыми офицерами на различных скачках, в том числе четыре великолепных рога — первые императорские призы за ежегодные в высочайшем присутствия четырехверстные офицерские скачки с препятствиями в Красном Селе.

В то время 39-м драгунским Нарвским полком

командовал в течение 11 лет барон Стемпель, всю душу вкладывавший в полк.

Полк с каждым годом его командования все совершенствовался и постепенно завоевал себе в среде кавалеристов особо почетное положение.

Особенно высокие требования предъявлял он к офицерам. Когда-то сам выдающийся скакун, он всеми способами поощрял развитие спорта среди офицеров, начиная с парфорсных охот⁷¹ и кончая скачками. Он ежегодно весной ездил на казенные Беловодские заводы и приобретал по льготной цене лошадей для офицеров. Редкий знаток лошадей, он удивительно удачно выбирал их и распределял их по офицерам на свое усмотрение, принимая при этом во внимание решительно все, начиная от служебных заслуг и кончая темпераментом офицера. Так, при одном из таких распределений, назначая бурую кобылу Радость Ново-Александровского завода командиру 2-го эскадрона ротмистру Казараки, он добавил:

---

⁷¹ Парфорсная охота — травля зверя до его изнеможения, пришла в Россию из Великобритании. Для Офицерской кавалерийской школы проводилась в имении графов Пшездецких Постава (Виленская губерния). Младший курс школы проводил там три недели, старший — шесть. Начальником охоты был генерал-лейтенант В. А. Химец, бывший офицер лейб-гвардии Конно-гренадерского полка.

— Ну, милейший, Казараки для вас ее выбрал, она вас разбудит.

Оставалась еще одна гнедая кобыла, Сильфида, которую только и отдали с завода за то, что у нее вокруг правого глаза была полоска экземы, не поддававшаяся лечению. Офицеры перешептывались между собою и говорили: «Только бы не мне». Командир полка, обращаясь к своему помощнику подполковнику Байкову, сказал ему:

— Александр Семенович, эта Сильфида специально для вас, вы и не знаете, какой клад вы отведете на свою конюшню.

У самого Стемпеля жил на пенсии его знаменитый Леопольд, на котором он взял 16 одних первых призов и сделал кампанию 1877–1878 годов, причем они вместе были ранены под Навачином. Леопольду было уже 25 лет, и последний год его водили только на прогулку.

В 1892 году, когда Стемпель был командиром бригады 6-й кавалерийской дивизии,⁷² мы вместе с

---

⁷² 6-я кавалерийская дивизия сформирована в 1811 г. В 1914 г. входила в 15-й армейский корпус. Состав дивизии: 6-й драгунский Глуховский императрицы Екатерины Великой, 6-й уланский Волынский, 6-й гусарский Клястицкий генерала Кульнева, ныне великого герцога Гессенского Эрнста-Людвига I и 6-й Донской казачий генерала Краснощёкова полки, 11-я и 12-я конные батареи 6-го

ним выехали в Седлец накануне полкового праздника Нарвского полка. Только вышли из вагона, к Стемпелю подошел уборщик Леопольда и доложил:

— С Леопольдом неблагополучно: когда я его сегодня вывел на проводку, он упал, и хотя мы с подбежавшими людьми подняли его, идти он не мог, и так и лежит на плацу, около места, назначенного для парада.

Стемпель поручил мне извиниться перед командиром полка, проехал прямо на плац и, увидав Леопольда, приказал его не трогать, накрыть попоной и оставить в покое.

На другой день на церковном параде,⁷³ который Нарвский полк всегда отбывал в конном строю, по окончании молебна полк перестроился в полковую эскадронную колонну справа, раздалась команда «к церемониальному маршу» и заиграли трубачи. Леопольд начал метаться, пытаюсь встать. Ему помогли. Леопольд стоял до тех пор, пока весь полк не прошел мимо него, затем упал и уже больше не вставал.

конно-артиллерийского дивизиона.

⁷³ Полковой праздник 39-го драгунского Нарвского полка — 23 апреля, День Св. великомученика Георгия Победоносца.

Каким авторитетом и уважением пользовался Стемпель среди людей, лучше всего может показать следующий случай. Весной 1891 года был убит вахмистр 1-го эскадрона Шкуратский. Следствие показало, что Шкуратский убит людьми эскадрона. Обвинение пало на двух рядовых и эскадронного писаря унтер-офицера Чекунова.

Командующий войсками приказал их судить по законам военного времени. Суд продолжался три дня и приговорил всех троих к лишению всех прав состояния и смертной казни через расстрел.

Когда подсудимым было предоставлено последнее слово, один из них, молодой солдат Насонов, поклонившись суду в пояс, проговорил:

— Благодарю суд за приговор, но вновь заявляю, что я не виновен.

Приговоренные тотчас же были отведены в общую тюрьму. Часов в семь вечера начальник тюрьмы прислал барону Стемпелю уведомление, что приговоренный Насонов очень просит видеть командира полка. Стемпель тотчас же отправился к нему. Начальник тюрьмы объявил, что он не может допустить одного командира к приговоренному, которому терять нечего и который может решиться на все. Но Стемпель ответил, что между солдатом и его командиром не может быть постороннего, вошел один в камеру, запер дверь и сказал:

— Здравствуй, Насонов.

Насонов ответил:

— Здравия желаю, Ваше Высокоблагородие, — бросился перед ним на колени и проговорил: — Спасибо что пришли, я не хотел сознаться перед судом, но вам, своему командиру скажу как на духу, это я убил Шкуратского, ударив его безменом по голове, но я не вор, и часы его лежат на чердаке за балкой, прикажите их взять. Убил за то, что он меня крепко побил. Простите вы меня.

Дальше Стемпель ничего не рассказал, но, зная его сердечность, я уверен, что он простил Насонова.

С какой заботой относился генерал-адъютант Гурко к обучению и боевому воспитанию войск, и в особенности кавалерии, лучше всего было видно на двухсторонних маневрах всех трех родов войск и на кавалерийских маневрах.

Выезжая одновременно с первыми сторожевыми разъездами, он ничего не упускал из виду и по окончании маневра тут же на месте делал подробный разбор, начиная с оценки разведки, затем плана действий сторон, и, переходя к каждому отдельному эпизоду, в заключение указывал на каждую мелочь до уставных ошибок включительно. Говорил образно. Говоря о невольных или случайных ошибках, всегда старался смягчить, объяснить их; строго

выговаривал лишь за ошибки, происшедшие от небрежности или от поверхностного отношения к делу; резок бывал только с теми, кого не уважал.

Многие из таких его разборов навсегда остались в памяти. Так, например, после первого крупного кавалерийского маневра, в котором дивизия участвовала в Варшавском округе, идея которого заключалась в следующем: на начальника 5-й кавалерийской дивизии⁷⁴ генерал-лейтенанта Сержпутовского была возложена защита переправы через Вислу под Варшавой (Варшава не крепость).

Начальнику шестой кавалерийской дивизии генерал-лейтенанту Каханову, стоявшему с дивизией в Окуневе (в 36 верстах к востоку от Варшавы) приказано было двинуться на Варшаву и овладеть переправами через Вислу. Дивизия в точности выполнила указание и еще ранее 10 часов сосредоточилась у посада Н., выслав связь по дороге на Окунев. В 11-м часу прибыл к начальнику дивизии офицер-ординарец от

---

⁷⁴ 5-я кавалерийская дивизия сформирована в 1811 г. В 1914 г. входила в 16-й армейский корпус. Состав дивизии: 5-й драгунский Каргопольский, 5-й уланский Литовский Его Величества короля Виктора-Эммануила III, 5-й гусарский Александрийский Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны и 5-й Донской казачий полки, 9-я и 10-я конные батареи 5-го конно-артиллерийского дивизиона.

генерал-лейтенанта Каханова и вручил ему диспозицию. По этой диспозиции дивизии приказывалось свернуть с шоссе и следовать на рысях проселочными дорогами на Вавер, куда прибудет и шестая дивизия. Вавер окружен труднопроходимыми болотами. О движении сплошь рысью не могло быть и речи, так как местами мы шли, увязая по брюхо лошадей. Дивизия все же вышла к Ваверу, но когда уже был дан «отбой».

Собрав начальников, генерал-адъютант Гурко, обращаясь к генерал-лейтенанту Каханову, сказал:

— Как в жизни вообще, так и в нашем деле прямой путь — самый верный и, когда нам Бог посылает благоустроенные пути сообщения, то это для того, чтобы по ним ходить, а не избегать их. Вам приказано было идти на Варшаву и овладеть переправами через Вислу, и что в этом вам поможет 18-я дивизия. ⁷⁵ 13-я кавалерийская дивизия прибыла в срок к указанному месту, но вы, вместо того чтобы направить ее на Вавер по прекрасному

---

⁷⁵ Речь идет о 18-й пехотной дивизии. Сформирована в 1806 г. В 1914 г. входила в 14-й армейский корпус. Состав дивизии: 69-й пехотный Рязанский генерал-фельдмаршала князя Александра Голицына, 70-й пехотный Рязский, 71-й пехотный Белевский и 72-й пехотный Тульский полки, 18-я артиллерийская бригада.

шоссе, свернули в такие болота, что будь против вас мало-мальски предприимчивый противник, он эту дивизию топил бы в них как слоеный пирог.

Г.[енерал-] Л.[ейтенанту] Сержпутовскому тоже досталось:

— Вам было приказано защищать переправы через Вислу под Варшавой. Судьбе угодно было вам помочь, в ваши руки попала диспозиция противника, факт совершенно исключительный, которому военная история знает лишь единичные примеры. Вы знали, что ваш противник добровольно на продолжительное время вывел 13-ю кавалерийскую дивизию из боя, и вы легко могли разбить его по частям. Вы же с дивизией попали в тупик между двух переплетающихся железнодорожных насыпей, которые в мирное время считаются непроходимыми препятствиями, и вынудили меня дать преждевременный «отбой».

Несмотря на прочно устоявшиеся отношения, на взаимное доверие в полках дивизии, не обошлось и у нас без доноса.

Однажды командующий войсками вызвал барона Мейкендорфа и передал ему анонимное письмо на командира 37-го драгунского Военного ордена полка полковника Готовского, указывавшее на некоторые неправильности внутренней жизни полка с такими подробностями, которые, несомненно, говорили о том, что письмо было

написано кем-либо из офицеров полка или под диктовку кого-либо из них.

Принято считать, что невозможно дознаться, кто автор анонимного письма, и потому лучше такие дела предавать забвению, не поднимая их.

Но барон, возмущенный до глубины души, прибыл лично в полк, собрал всех офицеров, прочел им письмо и затем сказал:

— Для каждого из вас ясно, что такое письмо мог написать или продиктовать только офицер полка, поэтому передаю письмо председателю суда общества офицеров и объявляю, что пока не будет обнаружен автор этого доноса, я никому из вас не подам руки.

Как именно было расследовано это дело — не знаю, но не прошло и двух месяцев, как в штаб дивизий поступило прошение об увольнении от службы командира третьего эскадрона ротмистра Рябинина.

В Варшавском округе офицеры Генерального штаба ежемесячно собирались в Русском собрании на товарищеский обед.

Один из таких обедов совпал с днем приезда адмирала Авеляна с офицерами эскадры из Тулона в Париж. Телеграмма об их приезде и об оказанном им восторженном приеме жителями Парижа была получена во время обеда. Сейчас же потребовали шампанского и отправили телеграмму тогдашнему

начальнику французского Генерального штаба генералу де Буадефру за подписями всех присутствовавших на обеде.

Генерал де Буадефр ответил теплой телеграммой и прислал каждому из нас свою визитную карточку.

Но по поводу этого события у меня возникла совершенно неожиданная переписка. Однажды получаю письмо с печатным бланком на конверте Мальхаузен, Эльзас. Письмо начиналось словами: «Прочитав в газете «Солнце» телеграмму офицеров Генерального штаба Варшавского военного округа, в числе подписей я увидел подпись полковника Экка. Нося сам эту фамилию, очень прошу вас написать, не будем ли мы с вами родней». А в конце письма приписка: «Позволяю себе переслать вам две бутылки водки мирабель, которые прошу принять».

Я тотчас же ему ответил, что, к сожалению, не могу установить родства между нами, так как мы уже пятое поколение, живущее в России, и род наш вышел из Германии, и поблагодарил за подарок.

Француз не удовольствовался и во втором письме сообщил, что один из его двоюродных дедов, состоя подполковником Великой армии Наполеона I, в бою под Лейпцигом был взят в плен и остался жить в Германии.

Третье его письмо пришло вскоре после

кончины императора Александра III, и в этом письме он уведомлял, что через французского посла в Петербурге я получу цветок Франции (une fleur de France), который распродавался в Париже в день погребения императора и которого в один день раскупили на 6 миллионов франков.

Через несколько дней действительно прибыл цветок Франции — в черной деревянной овальной раме под выпуклым стеклом — великолепная, как живая роза, светло-розового цвета.

Долго я думал, чем отблагодарить своего однофамильца за такое трогательное внимание, и наконец послал ему фотографию, на которой император Александр III и императрица Мария Федоровна сидят в окружении всей царской фамилии (сняты в Дании во Фреденсборге).

После этого я получил уведомление от французского торгового дома Лавиган Шамеруа, что они получили из Мюльхаузена от г-на А. Экка заказ об отправлении мне бочонка «Ромаме» 1884 года в 300 литров, цена которому на месте четыре франка за литр, и просят моих указаний.

Как ни соблазнителен был такой подарок, я все же не счел себя вправе его принять от незнакомого человека и тотчас же телеграфировал, что прошу без моего личного заказа мне ничего не присылать, и переписку прекратил.

Глава IV

В 1895 году я был назначен командиром 26-го пехотного Могилевского полка, 76 расквартированного в Радоме.

Командование полком составляло давно предмет моих вожделений, я постоянно думал об этом, присматривался ко всем командирам полков, с которыми меня сталкивала служба, и вынес прочное убеждение, что только тот является командиром в настоящем значении этого слова, кто способен весь, целиком уйти в интересы полка, овладеть его душою, особенно офицеров, и подчинить их своему авторитету. Когда это достигнуто, командование становится ясным, и все идет по личному примеру и указанию командира, устанавливается та связь между командиром и полком, при которой полк понимает каждое его слово, каждый его знак, верит в него и не колеблясь идет за ним. Очень меня уговаривали принять кавалерийский полк, да и меня самого тянуло на это; пробыв же свыше пяти лет начальником штаба

---

⁷⁶ 26-й пехотный Могилевский полк сформирован в 1805 г. как Могилевский мушкетерский. С 1864 г. — 26-й пехотный Могилевский полк. В 1914 г. входил в состав 7-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса. Дислокация — Воронеж.

кавалерийской дивизии, я приобрел и положенный ценз. Но меня удержало недостаточное знание техники кавалерийского дела, езды, одиночного обучения кавалериста, без которых кавалерийский полк никогда не выдержит требуемой с него работы без надрыва конского состава, и решил вернуться в пехоту.

Как часто приходилось слышать, что заботы по хозяйству отнимают массу времени у командира полка и мешают ему всецело отдаваться строевому обучению, что командира полка нужно совершенно освободить от хозяйственных забот.

Думаю, что тут кроется большое недоразумение, и ни один настоящий командир полка не оставит хозяйство без внимания, так как умение хорошо обставить солдата и дать ему хорошую пищу является лучшим залогом внутреннего порядка в полку, бодрого его настроения даже при самых высоких требованиях. Замечающееся же столь часто пристрастие некоторых командиров ко всем деталям хозяйства, причем они не ограничиваются одним руководством, а сами входят во все детали, объясняется тем, что командиры полков и начальники дивизий, прежде всего, представляют к производству в полковники и затем аттестовывают на полк именно помощников командира полка по хозяйственной части. Да и много легче добиться

хороших результатов в хозяйстве, чем основательно обучить и воспитать полк.

Офицеры Генерального штаба в отношении получения полков стояли в очень невыгодной линии. Так, мы оба, покойный С. К. Гершельман⁷⁷ и я, получили полки одновременно, оба вне очереди, состоя уже 11 лет в чине полковника. Такое положение было явно невыгодно и для кандидатов, и в интересах службы, так как невольно побуждало многих офицеров Генерального штаба смотреть на командование полком лишь как на промежуточную инстанцию для производства в генералы.

Все почти трехлетнее командование в целом, каждая подробность до самых мелочей живы в моей памяти, как будто это все только что происходило, тянет все написать, но есть к этому одно препятствие — невозможность выделить самого себя. Если до сих пор я мог писать обо всем, как будто я был лишь очевидцем написанного, с

---

⁷⁷ Гершельман Сергей Константинович (1854–1910) — русский генерал. В 1903 г. генерал-лейтенант, начальник штаба Сибирского военного округа, участвовал в Русско-японской войне. С 1906 г. — командующий войсками Московского военного округа, московский генерал-губернатор. С 1909 г. — командующий войсками Виленского военного округа.

полком так поступить нельзя и придется говорить о самом себе. Если же выделить себя, то получится не то, что было. Могилевский полк — мое родное детище, и раз уж решил, опишу все как было.

Еще в Варшаве, представившись командиру пятого корпуса генерал-лейтенанту Тутолмину, я спросил, не будет ли каких особых указаний и получил в ответ:

— Каким хотите способом, но сделайте так, чтобы полковник К. подал в отставку.

Это меня очень удивило, ибо полковник К. за болезнью командира полка полковника Бредова командовал полком в течение полутора года.

Когда же я в Радоме представился начальнику дивизии, генерал-лейтенант Шелковников указал мне:

— Вам необходимо удалить из полка штабс-капитана Б., отличающегося своей невоздержанностью к вину.

В обоих указанных случаях я просил разрешения сперва осмотреться, а потом уже выполнить приказы.

Бригадным командиром оказался мой старый товарищ по Семеновскому полку генерал-майор Аллад-Рамзай — мой полуротный командир, когда я был юнкером в роте Его Величества.

Могилевский полк, как и все полки Варшавского военного округа, имел усиленный

состав, по 72 ряда в роте (вместо 48 рядов). Половина состава полка — из уроженцев Калужской губернии, другая половина — Киевской и Тульской губернии и молдаван из Бессарабии. На каждую роту приходилось по 12–15 евреев.

Весь полк стоял в Радоме по казармам, частью в зданиях инженерного ведомства, в большинстве же — в оборудованных под казармы обывательских домах, сырых, холодных, мало удовлетворительных для жилья. При полку находился сводный лазарет в прекрасном каменном здании. Отдельной командой жили трахоматозные, число которых превышало 300 человек. Помещение команды было бедно обставленное, трахоматозным выдавали худшие вещи, белье, посуду. Они были пасынками в полку и, естественно, что число их не уменьшалось, а степень болезни усиливалась.

Офицерское собрание — гарнизонное, общее с 7-й артиллерийской бригадой,⁷⁸ также целиком расквартированной в Радоме. Полковая церковь — большой низкий зал, вмещавший до 500 человек, а в дни Светло-Христовой заутрени в него

---

⁷⁸ 7-я артиллерийская бригада сформирована в 1811 г. как 26-я полевая артиллерийская бригада. В 1914 г. входила в 7-ю пехотную дивизию. Состав бригады: 1-й (1, 2 и 3-я батареи) и 2-й (4, 5 и 6-я батареи) дивизионы. Дислокация — Тамбов.

втискивалось до 800 человек и более.

Еще были полковая баня, полковая хлебопекарня, солдатская лавка.

Прибыв в Радом, я тотчас же приступил к приему полка. Принимал в течение двух недель. Начал с опроса претензий, приказав для сего построить полк на полковом плацу.

К назначенному часу на плацу не оказалось третьего батальона, который прибыл с большим опозданием, когда уже был опрошен целый батальон. Этот же батальон на церемониальном марше прошел вяло, с понуренными головами, так что я невольно спросил командира, какая лежит вина на батальоне, что люди не смотрят мне прямо в глаза. Дальше пошли осмотры помещений, обмундирования, белья. Полк оказался чрезвычайно богат обмундированием. Все имели по три комплекта мундиров, а многие и по четыре. Но этот четвертый, так называемый рабочий, представлял такую грязь, что по соглашению с заведующим хозяйством полковником Чижовым мы решили его сжечь. Было сожжено 1600 худших мундиров, которые от грязи и сала с трудом горели, другие были изрезаны на тряпки. Шинелей по две на каждого солдата. Кроме того, полк имел собственные гимнастические рубашки, сшитые из серого солдатского сукна. В них было чрезвычайно удобно зимою, выводить людей на маршировку на

плацу и благодаря им очень сберегались мундиры.

Пища в общем вполне удовлетворительная, но неровная. В некоторых ротах совсем хорошая, в отдельных — как у Горлова, Вородаевского и Галле — даже очень хорошая, в остальных — посредственная. Было видно, что нет должного надзора за котлом. Хлеб хороший.

Но самое неблагоприятное впечатление производил караул у полкового порохового погреба.

Большим плюсом являлся хороший подбор офицеров, их дружная жизнь между собой. Между прочим, в полку издавна был обычай: в случае смерти кого-нибудь из офицеров все расходы по похоронам общество офицеров принимало на свой счет. Офицеров было 78 плюс 33 полковых дамы.

Приняв полк, я собрал всех офицеров в полковом собрании и, приказав запереть все двери, обратился к ним со следующими словами:

— Господа, я вам не только командир, но и старший офицер полка, и поэтому имею право и обязан, беседуя с вами, затронуть все стороны не только служебной, но и внутренней полковой жизни или лично вашей. Будет преступно с вашей стороны, если что-нибудь из высказанного здесь между нами выйдет наружу и сделается достоянием посторонних. С верою, что этого не случится, я приступаю к указаниям по приему полка.